ПИК НЕИЗБЕЖНОСТИ

Светлое будущее

АЛЕКС КАРСИМБ

Алекс Карсимб

Пик неизбежности. Светлое будущее

https://litres.ru/74717283
SelfPub; 2026

Аннотация

Коля Герасимов — мальчик из мёртвой ветки реальности, которая сгорела в ядерном огне. Он не герой и не спаситель. Он — несгораемый носитель Плазмиона, будущего Бога, которого нужно воспитать человеком, а не тираном. Вместе с Алисой, Полиной и директором Института Времени он проходит путь от похищения на борту Ту-154 до настройки ячеек Сферы Дайсона и сбора семян мёртвых миров.

Это не приключенческий боевик. Это хроника выживания вида на пороге Пика Неизбежности. История о том, как архейные симбионты учатся дышать в такт с планетой, как элита пытается остановить рождение Бога из страха перед хаосом.

«Мы не ищем счастья. Мы обеспечиваем будущее. Даже если для этого нужно использовать чужое счастье как инструмент».

Роман для тех, кто устал от клише и готов к честному разговору о цене эволюции, смерти и праве остаться человеком в мире, который трещит по швам. Без гаремов, без попаданцев-всезнаек. Только боль, надежда и инженерия выживания.

Содержание

Нулевая глава. Картография 5
Глава 1. Рождение Плазмиона 20
Глава 2. Вхождение в Проект 47
Глава 3. Университеты симбиоза 80
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Алекс Карсимб
Пик неизбежности. Светлое будущее

Автор: Алекс Карсимб

Нулевая глава. Картография

ВИДЕОДНЕВНИК. ЗАПИСЬ 001-А.

Я включаю камеру. Стекло объектива смотрит мне в глаза. Кресле скрипнуло, когда я откинулся. На столе распечатка. Мятая. Пахнет термобумагой и озоном.

Экран передо мной чёрный. За пластиком вентилятор гудит на одной ноте, ровно. Я знаю этот звук. Он всегда здесь.

Я нажимаю кнопку. Экран загорается.

— Запись протокола 001-А. Оператор: я, Иван Сергеевич Приходько. Тема: обоснование выбора субъекта для операции «Единая Задача».

Я искал его везде. Во всех ветках. В богатых, где люди не болеют. В технологичных, где летают между мирами. Там все подходят под расчёт. Их можно просчитать — как задачу с тремя рыбаками.

Я нажимаю следующую кнопку.

На экране — тепловая карта А-1984. Мёртвой ветки. Чёрное поле. В центре — фигура.

Коля Герасимов. Он горит.

Я смотрю на термографию. Температура среды — зашкаливает. Реальность А-1984 вспыхивает вокруг него. 1991 год. Август. Путчисты в Москве.

За день до этого — ультиматум. Текст на нескольких языках, переданный по всем каналам. Правительство США

обвиняется в мировом колониализме, во вмешательстве во внутренние дела СССР, в развязывании гонки вооружений. Срок — 24 часа. Ответа не последовало.

Американские радары фиксируют ложный старт. Но они уже ждали этого. Ультиматум сидит в головах операторов. Они не проверяют. Они верят. Ответный удар. Через сорок минут — огонь.

Люди начали огонь. Но они не закончили его. Через двадцать три года после того, как остыли эпицентры, на кладбище А-1984 пришла Галактическая Тень. Она не разбирает, кто прав. Она доедает то, что люди не дожгли.

Я вижу это на карте — не как историю, а как слои: тепловые волны расходятся от эпицентров. Вашингтон. Москва. Лондон. Пекин. Коля стоит в центре одного из них. Какого — неважно. Пламя везде.

Я вижу цифры: 300°C, 500°C. Информационная плотность его структуры — не падает. Она растёт. Как сахар в кипятке, когда размешиваешь — кристаллы не исчезают, они расходятся, но остаются.

Сигма выводит строку слева:

Субъект стабилен. Причина — отказ от интеграции.

Я откидываюсь. Кресло скрипит снова.

Он стоит в центре пожара своего мира. Огонь, который начали люди. Путчисты, выдвинувшие ультиматум. Операторы, не проверившие данные. Генералы, которые ждали этого сигнала. Тень, которая пришла потом. Он — ребёнок в этой

мясорубке. Но его структура — синяя. Холодная. Целая.

Он был целостнее своего мира. Когда А-1984 начала умирать, он не пытался её спасти. Он просто стал выше и исчез раньше, чем Тень успела его стереть.

Я встаю. Иду к капсуле.

СЕАНС ХРОНОВИРТА. ЗАПИСЬ КОММУНИКАЦИИ.

Я закрываю дверцу. Пахнет озоном и пластиком. Темнота. Сеанс.

Я стою в комнате. Стены — как мутное стекло. Сквозь них видна серая пустота. Не чернота — серая. Как бетонная пыль на стройке. Как пепел после пожара.

На столе дневник. Корочка потёртая. Я вижу выцветшую надпись. Пальцы хочу провести по обложке, но это эхо. Я не могу её тронуть.

Напротив Юля. Сидит на стуле с деревянной спинкой. Её руки на столе. Она смотрит на меня.

— Мы искали везде, — говорю я. Мой голос в капсуле звучит глухо, как в пустом подъезде. — В процветающих ветках. В стабильных. Все поддавались расчёту.

Юля не улыбается. Смотрит прямо на меня.

— Вы нашли его здесь. В ветке, которую уже съели.

— Почему он?

Она смотрит вниз на дневник. Её пальцы проходят сквозь обложку.

— Он пропал. Не умер — пропал. Реальность пыталась его выкинуть. Морозом — минус восемнадцать. Двойками

— четыре штуки за один урок. Правилами, которых он не знал.

— А потом пришёл август, — продолжает она. — За день до этого по телевизору зачитали ультиматум. США обвинили во всём — в колониализме, во вмешательстве, в том, что мы бедные, а они богатые. Никто не воспринял это всерьёз. Думали, блеф.

— Началось в Москве. Танки на улицах. Путчисты. Американцы не поверили, что это мятеж. Они уже получили ультиматум. Они решили, что ядерная война уже идёт. Ответный удар. Через сорок минут мы все горели.

Она говорит это ровно. Без голоса.

— Он спал на балконе зимой, — говорит она. — В одних носках. На ящике из-под картошки. Проверял, где заканчивается мир и начинается он сам. Граница оказалась не там, где мы думали.

Она поднимает глаза.

— Он не боролся за мир. Он просто перестал быть его частью.

Её лицо начинает расплываться. Я вижу за ней серую пыль — она плотнеет.

Она исчезает.

ВИДЕОДНЕВНИК. ЗАПИСЬ 001-А. ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Я выхожу из капсулы. Сажусь за стол. От меня пахнет озоном. Я жду, пока пройдёт головокружение.

— Сигма, — говорю я. — Данные.

Я жду. Тишина. Только вентилятор гудит.

Экран загорается.

Узел 1. Кабинет математики.

Я вижу класс. На доске — мел. Запах влажной тряпки — я помню этот запах из своей школы.

Учитель диктует. Я слышу его голос:

— Три рыбака поймали 96 рыб. Первый поймал в 2 раза меньше, чем второй, а третий — на 8 рыб больше, чем второй. Сколько?

Коля поднимает руку.

— У первого 22, у второго 44, у третьего 52, — говорит он.

Учитель проверяет. 22 + 44 + 52 = 118.

— Два, Герасимов. Садись.

Коля садится. Не краснеет. Я вижу его лицо — спокойное. Он смотрит в парту. Шевелит губами — считает.

Поднимает руку снова.

— У вас ошибка. Нет целочисленного решения.

Учитель краснеет. Я вижу, как его шея наливается. Он переписывает условие: третий на 8 больше первого.

Коля поднимает глаза.

— У первого 22. У второго 44. У третьего 30.

Учитель проверяет. Молчит.

— Решил? Хорошо.

Он пишет на доске новую задачу. Я вижу мел в его руке. Он пишет быстро, с нажимом, крошки сыплются на пол.

«Квадрат разбит на 5 равных прямоугольников. Периметр каждого — 12 см. Чему равен периметр большого квадрата? Герасимов, к доске. Решишь — „5“. Не решишь — „2“.

Коля выходит. Берёт мел. Рисует квадрат. Делит на пять прямоугольников.

— 20 см, — говорит он.

Учитель смотрит на доску. Я вижу его глаза — он злится.

— Решил? Хорошо. А теперь докажи на уровне методов, которые мы будем изучать через год. Ты их не знаешь?

— Я решил, — говорит Коля. — Ответ правильный.

Учитель подходит вплотную. Я вижу его указку — она дрожит. Он тычет ею прямо в красный галстук Коли.

— Что ты мне здесь написал?! Что это за система? Ты написал $y + x = 6$, $y = 5x$. Ты не знаешь, как это называется!

Коля смотрит на указку. Потом на учителя.

— Вы показываете на красный галстук. Я пионер.

Класс затихает. Я слышу, как скрипит стул у окна. Кто-то кашлянул.

Учитель багровеет. Я вижу жилы на его лбу.

— Ты идиот! Садись! Два за умничество! И два за то, что не знаешь элементарных вещей!

Он ставит две двойки в журнал. Я вижу его руку — она трясётся. На столе у Коли уже четыре двойки.

Коля садится.

Юля встаёт. Я вижу её лицо — спокойное, как у Коли.

— Анастасий Петрович, вы не имеете права ставить две

двойки за правильное решение.

— Ты что, вступаешься за него?

— Я вступаюсь за справедливость. Он решил правильно. Вы поставили двойку за то, что он не назвал систему уравнений. Это не ошибка.

— Садись, Грибкова. Это не твоё дело.

— Это моё дело, Анастасий Петрович. И вы это знаете.

Класс молчит. Я слышу, как за окном проезжает грузовик — гулко, с вибрацией.

Узел 2. Балкон.

Я вижу ночь. Зима. На термометре за окном — минус восемнадцать. Я вижу цифры — они выведены в углу записи.

Коля выходит на балкон. На нём — носки, штаны и футболка. Он закрывает дверь — я слышу щелчок. Не до конца. Оставляет щель.

Садится на ящик. Я вижу ящик — деревянный, с щепкой на краю. На нём надпись: «Картошка».

Он сидит.

Пять минут. Я вижу, как он дышит — пар валит изо рта. Пальцы сжимает в кулаки, разжимает. Снова. Снова.

Десять минут. Он трёт руки друг о друга. Я слышу шорох ткани.

Час. Я вижу, как он перестаёт шевелить пальцами ног. Он смотрит вниз. Шевелит ими — я вижу движение под носками. Шевелит. Значит, живой.

Два часа. Я вижу его лицо — щёки белые, губы потреска-

лись. Он облизывает их. Я вижу, как язык касается губ — медленно, сухо. Во рту — металлический привкус. Я знаю этот вкус — когда долго дышишь на морозе.

Под утро он встаёт. Я вижу, как он заходит внутрь. Закрывает дверь — щелчок. Снимает носки. Ложится.

Термометр показывает температуру тела — 39.8.

Три дня. Я вижу жар. Влажная простыня. Он мечется. Я слышу его голос — неразборчиво, бред.

На четвёртый день он открывает глаза. Садится на кровати. Я вижу его руки — худые, с синими венами. Он шевелит пальцами.

Встаёт. Идёт на кухню. Открывает кран. Пьёт воду из кружки. Я вижу кружку — белую, с отбитым краем. Он пьёт и смотрит в стену.

Я знаю, что он проверяет: «Остался ли я тем же?»

Он ставит кружку. Я слышу звон — металл о металл. Раковина.

Остался.

Я выдыхаю. Сам не заметил, что не дышал.

Узел 3. Шахматы.

Спортзал школы. Я вижу линолеум — серый, в пятнах. Пахнет потом и мастикой. На стене часы — 14:30. Слышно, как тикают — сухо, металлически, каждая секунда.

Коля и Филя сидят за досками. Напротив — двое из параллельного класса. Те смотрят на доску как на учебник. Я вижу их глаза — они ищут знакомые ходы.

Коля не смотрит на фигуры. Он смотрит между ними. Я вижу его взгляд — он скользит по диагоналям, по вертикалям.

Он двигает коня. Не туда, где его ждут. Туда, где нет угрозы в книге.

Противник хмурится. Я вижу его лоб — складки. Он смотрит на доску. Пальцы задерживаются над пешкой. Двигает её автоматически.

Коля ставит мат. Четырнадцатый ход.

Противник смотрит. Молчит. Трёт затылок. Пахнет потом от его рубашки — резко, кисло.

Филя усмехается — коротко, через нос. Двигает своего коня. Шестнадцатый ход — мат.

Противник откидывается на спинку стула. Я слышу, как стул зло трещит. Проигравший смотрит в потолок.

Судья записывает результаты. Я вижу его ручку — синюю, шариковую. Слышу, как стержень скрипит по бумаге.

Никто не хлопает.

ВИДЕОДНЕВНИК. ЗАПИСЬ 001-А. ОКОНЧАНИЕ.

Я выключаю экран. Темнота.

Нажимаю другую кнопку — снова карта А-1984. Горящий силуэт Коли. Термография показывает: его тело — 36.6. Среда — 500°C.

Я смотрю на эту разницу.

Август 1991. Ультиматум — за день. Обвинения в колониализме и вмешательстве. Путч. Танки на улицах. Амери-

канские операторы уже ждали. Боевой ИИ показал пуски — операторы не стали перепроверять. Они поверили высокой технологии. Сорок минут до ответного удара. Мир сгорел за сорок минут.

Люди начали огонь. Они не хотели — но начали. А Тень пришла потом. Она не спрашивала, кто виноват. Она просто съела то, что осталось.

Но Коля не сгорел.

В нашей памяти есть актёр, который играл этого мальчика. Он сгорел в другой ветке. Реальность забрала его лёгкие, кожу, волосы. Я помню его имя — Алёша Фомкин.

Здесь — Коля не сгорел. Его структура — как старый кирпич в печи. Он раскалён, но не крошится.

Я беру лист бумаги. Вставляю в старинный матричный принтер. Я люблю его за шум. Иголки бьют по красящей ленте — грубо, с вибрацией, которая чувствуется в столе. Принтер гудит.

ПРОТОКОЛ 001-А. ОПЕРАЦИЯ «ЕДИНАЯ ЗАДАЧА».

ЦЕЛЬ: ИЗВЛЕЧЕНИЕ СУБЪЕКТА ГЕРАСИМОВ К. ИЗ ВЕТКИ А-1984.

МЕХАНИЗМ: ИМПУЛЬС ГЧД (АКТ ПОЛИНЫ М.).

ПРИМЕЧАНИЕ: СУБЪЕКТ НЕСГОРАЕМ.

КОНЕЦ ВИДЕОДНЕВНИКА. КАМЕРА ВЫКЛЮЧЕНА.

Я встаю. Кресло скрипит — тот же звук, что и в начале записи. Не выключаю принтер — тот продолжает стучать, допечатывая протокол. Иголки бьют по ленте, и вибрация

идёт через стол, через пол, через подошвы моих ботинок.

Лист допечатан. Беру лист. Краска ещё влажная — это чувствуется пальцами, когда беру лист за край. Лист тёплый. Нервно складываю его пополам, потом ещё раз. Кладу во внутренний карман пиджака.

Выхожу в коридор.

Подошвы моих ботинок стучат по кафелю. Глухо. Ритмично. Двенадцать шагов до поворота. Сорок три — до двери Полины.

Коридор пуст. Свет — белый, больничный, ровный. Горит каждая лампа. Никаких теней. Только я и звук шагов. Строго и романтично, за что люблю свой сверхпроект.

Я останавливаюсь перед дверью. Она белая, с табличкой: «Лаборатория пространственных переходов. Метелкина П.А.» Не стучу. Открываю.

Полина стоит у окна. Смотрит на небо. Для неё это не звёзды. Сетка координат. Точки прыжков.

На столе осциллограф. Зелёная линия ползёт по экрану. Ровная, как дыхание. В углу чайник. Кипит, щёлкает, выключается. Пар поднимается над носиком, оседает на холодном стекле.

Я кладу лист на стол. Полина поворачивается.

— Подпиши, — говорю я. — Нужен импульс. Ты прыгаешь. Мы забираем мальчика.

Она берёт лист. Читает. Её глаза бегут по строкам. Останавливаются на примечании. Там одно слово. «Несгораем».

— Почему не ты? — спрашивает она. Не поднимая глаз.

Я молчу. Секунду. Две. Считаю удары чайника.

— Сигма заблокировала мою подпись на прямое вмешательство, — говорю я. — Слишком много веток я уже переписал. Если я прыгну сейчас — суперпозиция схлопнется. Это не обсуждается.

— Тогда зачем я?

— Операция «Единая задача», — говорю я. Голос ровный, почти сухой. — Ты рожаешь Плазмион.

Полина поднимает глаза. Зелёные. Холодные. В них ни удивления, ни страха. Только вопрос, на который она уже знает ответ.

— Ты выбрал меня, потому что я архейная женщина, — говорит она.

Я киваю. Пальцы мои лежат на столе — неподвижно. Я держу их так, чтобы она не видела, как они дрожат.

— Плазмион может быть рождён только через архейную женщину, — говорю я. — Мужчина не сосуд. Мужчина — катализатор.

Она смотрит на меня. Она не отводит взгляда.

— Я не хочу этого делать, — говорит она. — Это рискованно. Это — попасть в Историю с большой буквы. Стать Богоматерью.

Её голос становится тише, острее. Я знаю этот тон. Это тон человека, который уже всё решил, но хочет, чтобы я это услышал.

— Я религиовед по основному образованию, Иван Сергеевич. Я знаю, что это такое. Это кошмар до конца жизни. Моё имя будут смешивать с Богоматерью и с низкой субстанцией тоже. Меня будут обожествлять и проклинать. Я не хочу этого.

Она кладёт лист на стол. Не бросает — кладёт.

— Может, родить Плазмион где-нибудь тихо? В лаборатории на Меркурии. А потом забрать мальчика из альтерреальности? Зачем делать всё вместе?

Я молчу. Долго. Смотрю на неё — не как на оператора, не как на подчинённую. Как на равную, которая имеет право знать.

— Плазмион не пальцем деланный, — говорю я наконец. — Чтобы родить просто ребёнка, нужен страстный секс. Это самая настоящая калибровка зачатого существа на всю жизнь.

Я делаю паузу. Чайник за моей спиной щёлкает. Пар идёт над носиком, оседает на стекле. Я смотрю на это стекло, потому что не могу смотреть ей в глаза.

— Чтобы родить Бога, нужно упасть вообще во все тяжкие. Вот ты и будешь падать от притяжения чёрной микродыры до притяжения Земли. В прекрасной страсти и плазменной энергии. Калибровка что надо.

Она криво усмехается. Без тепла.

— И кто же будет моим партнёром?

— Плазмоид Рекс, — говорю я. — Он такой же, как ты.

Страстный. Боевой. Тоже хитрый.

Она смотрит на меня. В её взгляде — не удивление. Только тихая, холодная ярость.

— Ты серьёзно?

— Я серьёзно.

Она отводит взгляд. Смотрит в окно. На звёзды, которые для неё — точки прыжков.

— Ты не понимаешь, что ты просишь, — говорит она тихо.

— Понимаю, — говорю я. — Поэтому я прошу.

Она молчит. Я жду. Я слышу, как осциллограф рисует зелёную линию. Ровную, как дыхание. Её дыхание. Моё дыхание.

— Что касается похищения, — говорю я, когда тишина становится невыносимой. — Ты рождаешь не только Плазмион. Ты открываешь четырёхчасовую реанимацию реальности Коли. И соединяешь судьбу Коли и его друга в тот же момент рождающейся альтернативной реальности — реальности Микояна.

Она поворачивается ко мне. В глазах — вопрос. Она ещё не знает. Я должен сказать ей всё.

— Это большая глубокая программа, — говорю я. — Управляемая нашей Сигмой. Задача — одновременная динамика рождающихся тел. Плазмиона. Альтерреальности Микояна, где он будет расти. И уникальный шанс для Коли — ожившего мальчика из атомного пожара.

Я подхожу к столу. Коснаюсь пальцами планшета.

— По-другому эта комбинация не срастётся. Если хочешь, я покажу тебе все вычисления хронодинамик.

Я поднимаю глаза. Встречаюсь с ней взглядом.

— Ну?

Она молчит. Потом медленно убирает руки со стола.

— Ты это серьёзно.

— У меня нет другого пути, Полина, — говорю я. — И у тебя тоже.

Она смотрит на лист. На подпись, которой ещё нет.

Потом берёт ручку. Снимает колпачок. Щелчок — сухой и короткий.

— Когда? — спрашивает она.

— Сейчас.

Она подписывает. Стержень скрипит по бумаге, оставляет синюю линию. Я смотрю, как её рука движется. Она не дрожит.

— Я сделаю это, — говорит она. — Но я не прощу тебя.

— Я знаю, — говорю я. — Ты не должна.

Она опускает ручку. Смотрит на меня. Секунду. Две.

В зелёных глазах Полины я на мгновение вижу улыбающуюся Юлию Грибкову. Тот же взгляд. Та же прямая линия губ. Та же тихая ясность, которая не просит пощады.

— Я готова, — говорит Полина.

Я киваю. Чайник стынет. Пар больше не идёт.

— Начинаем.

Глава 1. Рождение Плазмиона

СЦЕНА 1. ПРЕЛЮДИЯ

Коридор Института Времени пах озоном и старой бумагой.

Пол был холодным. Полина чувствовала это каждой клеткой — холод поднимался от ступней, выше, к голеням, к коленям. Не больно. Остро. Как сигнал, который тело ждало, даже не зная, что ждёт.

Она шла босиком, на кончиках пальцев — не потому, что пол обжигал, а потому что так было точнее. Касание тоньше. Отклик быстрее.

В детстве мать водила её на балет. Старый зал, скрипучий паркет, холодный даже летом. Педагог заставлял повторять позиции: пятки вместе, носки врозь, колени выпрямлены. Спина — струна. Голова — поднята. Тогда это казалось пыткой. Сейчас — спасением. Постановка ног собирала тело в стержень, отключала страх, оставляла только одну задачу: ступать точно, не терять равновесия.

И внутри неё, в такт с этим холодом, начинала просыпаться симбокожа. Сначала — лёгкая дрожь на пальцах. Потом — плёнка, тонкая, как паутина. Она не думала об этом — просто чувствовала, как тело настраивается на что-то, чего ещё не случилось, но уже было заложено.

Она ступала мягко, почти бесшумно. Кончики пальцев —

самая тонкая точка контакта с холодом. Они знали, что делать.

Вертера стояла у входа в зал космолифта. Серебряный металлизированный комбинезон. Светлые волосы собраны в тугой пучок. Лицо — как у куклы, которую сделали взрослой, но забыли научить улыбаться. Или научили — но неправильно. Губы сжаты, глаза смотрят сквозь. Она не мигала — просто ждала.

— Печальный вид, — сказала Полина. Голос прозвучал глухо, будто из другого конца коридора. — Что случилось?

Вертера моргнула. Один раз. Медленно. Движение — с едва заметной задержкой, как у механизма, который носит свою память в каждой детали.

— Обдумываю анекдот.

Полина остановилась. Посмотрела на неё.

— Расскажи. Согреюсь.

Вертера повернула голову. Взгляд всё ещё сквозь. Но голос стал тише, почти человеческим.

— Пьеро признаётся Мальвине: «Люблю тебя сильнее, чем чёрная дыра любит свет.» Мальвина: «Ой, правда?» Пьеро: «Да, меня тоже всё засасывает, а наружу ничего не выпускает.»

Пауза. Тишина.

Полина усмехнулась. Коротко. Без тепла.

— Та-ак, я согрелась. Надеюсь, меня не засосёт.

Вертера не ответила. Она смотрела на Полину, и в её механическом взгляде было то, чего не должно быть у куклы: **знание**. Она знала, что Полина не вернётся. Что та, кто войдёт в космолифт, и та, кто выйдет из него — будут разными.

— Он уже готов, — сказала Вертера. — Сигнал получен. Плазмоиды Лунного экзорхата ждут. Прибудут за десять секунд.

Полина кивнула. Шаг за шагом — в зал космолифта.

У дверей она остановилась. Обернулась.

— Дорогу осилит идущий, — сказала она. — Дальше я одна.

Вертера не двинулась. Она осталась на пороге. Её функция — довести до края и отпустить.

— Знаю, — сказала она. И в голосе мелькнула та самая холодная печаль. Не маска. Лицо.

Двери закрылись.

Вертера смотрела на сталь. На своё отражение в ней. Она не плакала — она не умела. Но она знала: Пьеро остался на месте. А Мальвина ушла рожать бога.

Двери космолифта закрылись с мягким шипением. Полина осталась одна в тесной кабине. Стены — полированный металл, в котором её отражение дробилось на сотню тёмных осколков. Она смотрела на них, но видела не себя — видела то, что должно было случиться.

Космолифт дрогнул. Подъём начался.

Ускорение вдавило её в пол — мягко, но настойчиво. Пе-

регрузка росла, сжимая внутренности, вытесняя воздух из лёгких. Полина не сопротивлялась. Она дышала — редко, глубоко, как учили. Каждый вдох превращался в ритм, который синхронизировал тело с подъёмом.

Симбокожа отреагировала мгновенно — загустела, уплотнилась, впитывая нагрузку. Чёрная плёнка растянулась по всему телу, закрывая лицо, шею, пальцы. Только глаза остались открытыми — две зеленые точки в тёмном овале.

Подъём продолжался. Мимо пролетали слои атмосферы: тропосфера, стратосфера, мезосфера. За пределами кабины ревел ветер, температура за бортом падала до минус пятидесяти, но внутри было тихо и пусто. Только гул — ровный, далёкий — напоминал, что она движется.

Космолифт замедлился. Ещё один толчок, более резкий, и кабина замерла.

Двери открылись.

СЦЕНА 2. СВИДАНИЕ

Венец термосферной станции встретил её тишиной. Полина шагнула на балкон без ограды — он выступал над бездной, как камень, брошенный в небо. Она не смотрела вниз. Она знала, что там — Земля. Синий шар, укутанный в облака, хрупкий и беззащитный.

Взгляд был прикован к центру венца — кольцу чёрной микродыры. Оно пульсировало редко, едва заметно, как сердце спящего зверя. Микродыра служила антенной, кана-

лом для хроногенерации. Через неё пространство связывалось с комплексом чёрных дыр сферы Дайсона, а через них — с галактической черной дырой.

Полина шагнула в пустоту.

Гравитация микродыры перехватила её — мягко, но настойчиво. Потянула **вверх**, к кольцу чёрной пульсации. Полина не поддалась. Она выдохнула, напрягла тело, удерживая себя в точке равновесия.

Симбокожа откликнулась первой. Чёрная плёнка засветилась тускло-красным — вырабатывая плазму из самого потока притяжения. Архейные микроаккумуляторы включились, питая ткань. Она не летела вверх — она стояла в пустоте, как канатоходец, который не смотрит вниз.

Плазменный щелчок.

Сигнал вырвался из неё и ушёл к Луне. Лунный экзорхат услышал.

И тогда — плазма победила. Гравитация перестала удерживать. Напряжение разорвалось — рывок, обратный тому, что держал её. Чудовищный, выворачивающий, как удар снизу.

Гравиразрыв.

Полину швырнуло **вниз**. К Земле. К облакам. К самолёту, который нёс над Сибирью двух мальчишек с шахматными кейсами.

Тело сорвалось с места, и ударная волна воздуха хлестнула по лицу, по груди, по рукам. Симбокожа вспыхнула мгно-

венно — разгоняя, превращая удар в свечение, в жар.

Встречный поток воздуха запел — высоко, остро. Он нёс. Кинетическая энергия росла с каждой секундой. Падение не было концом. Оно было началом.

Через семь секунд пространство вокруг Полины исказилось. Из вакуума материализовались они — сгустки плазмы, пульсирующие золотом и лазурью. Первый — Рекс.

Полина протянула к нему руки. Она не падала. Она летела.

Танец начался.

Симбокожа на теле ответила — вспыхнула золотисто-голубым, в такт с пульсацией плазмоида. Её кожа засветилась, и с этого момента исчезли границы. Она больше не чувствовала холода стратосферы, не слышала ветра, не ощущала падения.

Была только Спираль.

Плазмоид вошёл в неё. Не снаружи — изнутри. Плазма входила не сквозь поры — она заменяла их. Каждая клетка на мгновение становилась прозрачной, прежде чем заполнить себя золотистым светом. Это было похоже на то, как кровь возвращается в затекшую конечность: сначала покалывание, потом жар, потом — чужая тяжесть, которая вдруг становится твоей собственной плотью. Симбокожа пульсировала на грани разрыва, удерживая тело от распада.

Полина сжала челюсти. Боль была острой, но короткой. За ней пришло другое — заполнение. Чужое становилось сво-

им.

Спираль Витка Ампары закручивалась. Двойная спираль — плазмоид и человек, не два, не одно, а пара. Антропо-морфная-па́ра. Ритмы слились: пульс Полины, мерцание плазмоида, бег времени — всё это сплелось в единый узел.

Напряжение достигло предела. Клетки сжимались, симбокожа светилась ослепительно-белым. Казалось, ещё мгновение — и она рассыплется на атомы.

И тогда — выделение.

Из глубины спирали, из точки слияния, вышла субстанция. Чистая. Пульсирующая. Живая. Сгусток света, внутри которого мерцали тысячи игольчатых структур — не клеток, не молекул, чего-то более древнего и более нового одновременно. Он не был похож ни на что земное. Он был похож на узел, в котором завязано будущее.

Плазмион.

Яйцеклетка. Предбог. Только начало.

Плазмион отделился от спирали и замер в воздухе. Он пульсировал в ритме, который не совпадал с сердцем Полины — в другом, собственном. Казалось, он учится быть собой, отделяя себя от её тела, от плазмы, от всего, что его породило.

Рекс мягко принял его. Его плазменная форма смягчилась, стала похожей на чашу, на ладонь, на колыбель.

— Ему нельзя на Землю, — сказал Рекс. Его голос прозвучал не в ушах, а в костях. Низкий, ровный, без оберто-

нов. Как вибрация корпуса корабля при выходе на орбиту. Или как басовая струна, натянутая между двумя звездами. — Здесь Пыль. Здесь иерархия. Ему нужно Солнце. Только в короне звезды плазма кристаллизуется в устойчивую форму.

Он поднялся. Выше, выше — прочь от гравитации Земли, прочь от тени планеты. Плазмион исчез в сердце звезды, в ревущих протуберанцах, в свете, который был старше любой жизни.

Связь оборвалась.

Полина продолжала падать. Симбокожа потускнела — теперь она просто держала тело, не питая его энергией. Внутри была пустота. Не боль. Очищение. Как после того, как из тебя вынули что-то, что ты носила всю жизнь, и ты не знаешь, вернётся ли оно.

И тогда — голос. Внутри неё.

«Не расслабляйся. Выдохни эйфорию. Вдохни реальность.»

Иван Сергеевич. Навигатор. Колония жила в её крови, в спинномозговой жидкости, в каждом импульсе симбокожи. Не паразиты. Навигационная система, встроенная в биологию. Иван не говорил с ней — он был её внутренней средой. И только сейчас, когда Плазмион покинул тело, освободив место для приказа, она услышала его голос.

«Слушай меня, — голос стал жёстче. — Плазменный щелчок. Ты его почувствуешь. Это переключение. Одна реальность заканчивается, другая начинается. А-1984 ждёт

тебя.

Сигма разметила цель. Я передаю тебе картинку. Смотри.»

Перед глазами Полины вспыхнуло изображение. Небо, облака, тайга. Самолёт. Белый Ту-154 с синей полосой. Внутри — два силуэта у иллюминатора.

Один светловолосый, возбуждённый, что-то доказывает жестами. Филя.

Второй тёмноволосый, спокойный. Смотрит в окно. Не на тайгу — сквозь неё. Глаза серьёзные, чуть прищуренные. Он не говорит. Он наблюдает.

Коля Герасимов.

«Это он, — сказал Иван. — Тот самый. С карты А-1984. С балкона. С шахматной доски.

«Ты падаешь в этот самолёт. В 1984 год. Они уже в воздухе. Тайга под крылом. Окно для входа — через две минуты.

Ты войдёшь через обшивку. Плазменный щелчок в миниатюре. Три. Два. Один.»

Падение длилось уже не секунды — минуты. Тайга внизу приближалась медленно, как будто время растянулось на проволоке. Каждый миг тянулся, обтекал её тело, не давая упасть быстрее, чем нужно было для того, чтобы успеть увидеть, запомнить, войти.

Картинка перед глазами Полины начала таять. Не исчезать, а перетекать. Она видела уже не самолёт снаружи, а его салон изнутри. Будто её взгляд прошёл сквозь обшивку, че-

рез иллюминатор, через стекло, которое не было преградой.

И она увидела его глаза. Те самые. Из карты А-1984. Из картинки Сигмы. Из памяти, которая ещё не стала её собственной.

Мальчик смотрел в иллюминатор. Тайга уходила вниз — бесконечная, зелёная, с прожилками рек. Он не видел её. Он видел другое.

Стекло иллюминатора начало плыть. Размываться. И сквозь это размытие начал проступать другой свет. Ламповый. Жёлтый.

СЦЕНА 3. ВИДЕНИЕ

Запах аэропорта. Пластиковые кресла. Гул голосов.

Хабаровск встречал их мокрым снегом и запахом мазута. Автобус № 18э, битком набитый людьми в тяжёлых пальто и шапках, чадил чёрным дымом, подползая к терминалу аэропорта. Стекла были запотевшими изнутри, и мир снаружи казался размытым акварельным пятном.

Филя и Коля вышли первыми. Холод ударил по лицам, отрезвляя лучше любого душа. Они шли рядом, но между ними висела натянутая струна обиды. Спор о шахматах, начавшийся ещё в автобусе, перерос в личное оскорбление.

— Ты просто боишься признать, что я тебя переиграл, — бросил Коля, поправляя воротник спортивной куртки. Голос его звенел от мальчишеской злости. — Твоя «позиционная игра» — это просто страх перед риском.

Филя остановился. Он был старше на несколько месяцев, но в этот момент выглядел ровесником — таким же худым, таким же злым, с красными от холода щеками.

— Риск, — сказал Филя, и пар изо рта смешался с туманом. — Ты называешь риском, когда ставишь коня под удар, потому что тебе кажется, что ты просчитал на десять ходов вперёд. А я называю риском, когда у меня нет другого выхода. Вот в чём разница.

Они стояли у входа в терминал, два мальчишки в лёгких куртках, съёжившиеся от хабаровского ветра. Вокруг спешили люди: женщина с огромной сумкой в клетку, мужчина в фуражке с эмблемой ГАИ, пара студентов, курящих одну сигарету на двоих. Никто не обращал на них внимания. Все были заняты своим.

И тут небо раскололось.

Не было грома. Не было вспышки молнии. Просто над взлётной полосой, там, где обычно висели тучи, развернулась **спираль**. Золотисто-голубая, светящаяся изнутри, она медленно вращалась, как гигантский глаз, открывшийся в небесах. Свет её был таким чистым, что серый снег вокруг вдруг стал казаться грязным пеплом.

Люди замерли. Женщина с сумкой опустила голову. Гаишник снял фуражку. Студенты выронили сигарету. На секунду весь аэропорт превратился в статую. Лица стали открытыми, детскими, испуганными и восхищёнными одновременно. В этом свете каждый увидел то, чего ему не хва-

тало: кто-то — надежду, кто-то — прощение, кто-то — просто красоту.

Но длилось это мгновение. Две секунды. Три.

Спираль свернулась в точку и исчезла. Небо снова стало серым, тяжёлым, привычным.

И сразу же, как по команде, жизнь вернулась в своё русло. Женщина подхватила сумку и побежала к кассам. Гаишник надел фуражку и буркнул: «Погодка…». Студенты засмеялись, подняли окурок и продолжили прерванный разговор. Они **забыли**. Мозг, защищаясь от непостижимого, стёр увиденное, заменив его на «померещилось» или «галлюцинация от усталости».

Только двое не забыли.

Филя и Коля стояли, глядя друг на друга. Их глаза были широко раскрыты, зрачки расширены от остаточного света. Они видели одно и то же. Они чувствовали одно и то же — тот самый холодный ужас и горячий восторг перед чем-то, что не вписывается в их мир.

— Ты видел? — хрипло спросил Коля. Голос его дрожал.

Филя кивнул. Медленно. Тяжело. Он достал из кармана пачку сигарет, но руки его так тряслись, что он не мог зажечь зажигалку.

— Видел, — ответил он. И в этом слове было больше признания, чем в любых шахматных партиях. — Это было… не наше.

Коля шагнул к нему. Не для спора. Не для победы. А пото-

му что вдруг понял: этот парень, на полгода старше, с красными от холода щеками — единственный, кто сейчас разделит с ним эту тайну. Они были **особенными**. Не потому что умнее или сильнее. А потому что их память не стёрлась. Их сознание не отказалось принять реальность.

Филя наконец закурил. Затянулся глубоко, до боли в лёгких. Посмотрел на Колю и впервые улыбнулся. Не снисходительно. А как равный. Как товарищ по несчастью и по чуду.

— Ладно, шахматист, — сказал он, выпуская дым в морозный воздух. — Ты прав. Я боялся риска. Но теперь… теперь, кажется, риск сам нас нашёл. Пойдём. Самолёт не ждёт.

Они пошли внутрь терминала вместе. Плечом к плечу. Спор был забыт. Обида растворилась в свете той спирали. Они знали: что-то началось. Что-то, что изменит всё. И они будут в этом вместе.

«Ну вот. Первый тест, — голос Ивана Сергеевича прозвучал тихо, ровно, без тени улыбки. — Вы выдержали. Остальные забыли — им так спокойнее. Вы запомнили. Это теперь ваша работа — помнить за всех. Вход бесплатный, выход платный. Но об этом потом. Идите греться. Полёт будет долгим. Я буду с вами.»

Коля моргнул.

Тайга снова стала тайгой. Иллюминатор — просто стеклом. Гул двигателей вернулся — ровный, убаюкивающий. Запах кофе и старого ковролина снова заполнил ноздри.

Он сидел у иллюминатора. Филя — у прохода, рядом, на

соседнем кресле. Они поменялись местами в Хабаровске, когда заходили в самолёт.

Филя что-то говорил про шахматы. Коля не слышал его. Он смотрел в окно, но видел не тайгу. Видел ту самую спираль. Золотисто-голубую. Которая развернулась в небе над Хабаровском.

Он помнил. Он всё помнил.

Филя замолчал. Посмотрел на друга.

— Ты чего? — спросил он тихо.

Коля покачал головой.

— Ничего. Вспомнил кое-что.

Они переглянулись. И оба поняли: они вспомнили одно и то же. Но говорить об этом вслух не стали. Не здесь. Не сейчас.

Коля снова посмотрел в иллюминатор. И в этот момент воздух в салоне стал другим.

СЦЕНА 4. ПОХИЩЕНИЕ

Металл фюзеляжа над проходом вздохнул.

Не треснул. Не лопнул. А именно вздохнул, став мягким, податливым, как тёплый воск. Сквозь обшивку, нарушая все законы физики и герметизации, просочилась фигура. Она спланировала сверху, плавно, как капля ртути, проходя сквозь алюминий, который расступался перед ней и тут же смыкался обратно, не оставляя ни шва, ни следа. Герметичность не нарушилась. Давление не упало. Только воздух

стал другим — более плотным, заряженным озоном и чем-то сладковатым, похожим на запах грозы.

Фигура приземлилась в проход бесшумно. На мгновение она была собой — чёрной, блестящей, текучей массой симбокожи, в которой отражался тусклый свет салона. Зелёные глаза горели в этой массе, как два изумруда.

Рядом, у служебного отсека, стояла стюардесса. Полина повернула голову. Из чёрной массы вырвался тончайший, невидимый импульс — настроенный на частоту человеческого сна. Стюардесса вздрогнула. Веки её отяжелели, голова качнулась вперёд. Она сделала один шаг, второй — не глядя, как сомнамбула, и сползла в ближайшее свободное кресло у борта, рядом с иллюминатором. Тело её обмякло, голова откинулась на подголовник, дыхание стало ровным, глубоким. Со стороны она выглядела просто как пассажирка, которая устала и решила вздремнуть. Никакого шума. Никакого падения. Только тишина.

Следом за ней, один за другим, начали клевать носами остальные пассажиры. Мужчина с газетой, женщина с ребёнком, старик в ушанке — все они отключились за долю секунды, как куклы, у которых выдернули шнурок. Салон наполнился ровным, тяжёлым храпом.

Только двое остались бодрствовать. Филя и Коля. Они смотрели на фигуру в проходе широко раскрытыми глазами, не в силах пошевелиться.

Чёрная масса начала меняться. Симбокожа текла, перели-

валась, принимая новые формы. За секунду она превратилась в синий костюм стюардессы Аэрофлота, белый передник, пилотка на голове. Даже значок на груди появился — точная копия настоящего. Но ноги остались босыми. И глаза — огромные, зелёные, светящиеся в полумраке салона — не изменились.

Полина улыбнулась. Улыбка вышла немного натянутой, будто она только училась этому выражению лица. Она подошла к тележке, оставленной настоящей стюардессой у служебного отсека. Положила на неё руку. Тележка была её теперь. Трофей. Инструмент. Часть маскировки.

— Добрый день, пассажиры, — произнесла она. Голос прозвучал странно: одновременно близко и далеко, как эхо в колодце.

Она толкнула тележку вперёд. Запах кофе, шоколада, ирисок наполнил проход.

Сделала шаг. Второй.

И только когда её босые ступни коснулись ковролина — симбокожа на ногах дрогнула. Чёрная плёнка потекла, перестраиваясь, уплотняясь, принимая новую форму. За секунду босые пальцы обтянулись тканью, появился каблук, зашнуровался чёрный ботинок на пуговицах — точная копия обуви советской стюардессы.

Она шла. И с каждым шагом становилась всё более похожей на ту, кого изображала.

Первый раз.

Шаги. Полина выходит из кабины пилотов (для глаз Фили — будто она всегда там была). Синий костюм стюардессы, платок, значок. Тележка — полна. Она доходит до середины салона. Останавливается у их ряда.

— Кофе? Чай? Ириски? Шоколад? — голос её спокоен, улыбка ровная, профессиональная. Никакого намёка на странность.

Филя смотрит на неё. Берёт кофе. Коля, не отрывая глаз от журнала, бормочет: «Чай». Она проходит дальше, в хвост самолёта. Занавеска качается — и она исчезает.

Филя смотрит в иллюминатор. Он не видит облаков. Он видит только отражение салона. И слышит шаги. Поднимает голову.

Второй раз.

Она идёт из кабины пилотов. С той же тележкой. С той же улыбкой. Филя смотрит на её руки. Те же жесты. Те же движения. Тележка полна. Ничего не убыло.

— Это та же, — шепчет Филя. Голос его срывается.

Коля смотрит на него, недоумённо морщится. Филя смотрит в хвост. Занавеска неподвижна. Она не могла вернуться так быстро. Она не проходила мимо них обратно.

Полина подходит к ним снова.

— Кофе? Чай? Ириски? Шоколад?

Филя смотрит на неё. Не берёт ничего. Смотрит в хвост. Занавеска висит мёртво.

— Вы уверены? — её голос ровный, почти ласковый. В

нём нет вопроса. Есть утверждение.

Коля, чувствуя неловкость, тянется за ириской. Филя молчит. Полина проходит дальше. Занавеска качается — и она исчезает.

Филя не спит. Он ждёт. Его тело напряжено, как струна.

Третий раз.

Шаги. Снова. Из кабины пилотов. Та же походка. Та же тележка. Тот же запах. Филя смотрит на её лицо. Она улыбается так же, как в первый раз. Как будто ничего не было. Как будто время в этом салоне зациклилось.

Филя встаёт. Резко. Коля поворачивается, хочет спросить: «Ты куда?», но Филя уже идёт по проходу. Коля, повинуясь какому-то внутреннему импульсу, встаёт и идёт за ним.

Они идут мимо спящих пассажиров. Кто-то вздыхает во сне, кто-то поворачивается. Один мужчина в сером пиджаке открывает глаза на мгновение, видит двух мальчиков, идущих за стюардессой, и снова закрывает их. Ему не до них. Реальность сама защищает свой сон.

Филя слышит своё дыхание. Чувствует, как ковролин пружинит под ногами. Запах кофе становится сильнее — она, должно быть, только что разливала его. Но он не видел, как она это делала.

Полина доходит до хвоста. Занавеска качается. Она исчезает за ней.

Филя ускоряет шаг. Коля — за ним. Они подходят к занавеске. Филя тянет её в сторону.

За ней — не багажное отделение. За ней — свет.

Не белый. Не жёлтый. Он живой. Он движется, пульсирует, как будто дышит. Филя чувствует, как воздух становится прохладнее. Пахнет озоном, металлом и чем-то ещё — чем-то, чего он не знает, но узнаёт всем телом.

Он оборачивается на Колю.

— Ты видишь?

Коля кивает. Глаза его расширены. Он видит.

Прикосновение.

Полина вышла из-за занавески. В третий раз. Или в четвёртый? Филя уже не мог сказать точно. Каждый её выход делал предыдущий ненастоящим.

Она подошла к их ряду. Её рука лежала на тележке — спокойно, расслабленно. Та же поза. Та же улыбка. Те же глаза, которые смотрели сквозь него.

Филя не сводил с неё глаз.

Он протянул свою руку. Не думая. Не решая. Просто двигаясь навстречу неизвестности.

Его пальцы коснулись синей ткани её формы.

Но вместо мягкого сукна, которое должно быть там, его пальцы встретили нечто иное. Не материал. Что-то живое. Что-то, что не должно быть под формой стюардессы. Множество упругих, тончайших волосков обвились вокруг его пальцев — настойчиво, изучающе. Не больно. Странно.

И первая мысль, которая пришла ему в голову, была до абсурда бытовой:

«А форма-то оказалась любопытной.»

Он почувствовал, как это «что-то» проникает в его плоть — не через кожу, а сквозь неё. Выше, по руке, к плечу, к груди, к сердцу. Ужас охватил его. Он хотел отдёрнуть руку, но тело не слушалось. Хотел закричать, но рот открывался беззвучно.

И вдруг — тепло. Тёплая волна разлилась внутри него. Как будто он выпил что-то тягучее, что заполнило его изнутри, успокаивая, расслабляя, заставляя забыть страх.

Полина смотрит на него. Её глаза спокойны. Лицо безмятежно.

— Всё хорошо, — говорит она. — Просто дыши.

Он дышит. Он не знает, что произошло. Но знает одно: он касался не формы стюардессы. Он касался того, что было в ней. Архейной сути. Симбионта.

Полина движет тележку по проходу. Она знает, что Филя встал и идет за ней. Это неизбежно. Это нейробактериальное программирование работает всегда только так. Филя сомнамбулически идет за ней и тянет Колю. Все как надо.

Исчезновение.

Филя делает шаг к занавеске. Тянет её. За ней — тот самый живой свет. Притяжение, идущее из самого света, хватает его. Тело перестаёт быть тяжёлым. Ноги отрываются от пола.

Инстинкт срабатывает раньше мысли. Он хватается за Колю. Пальцы вцепляются в рукав куртки друга. Он не хочет

падать один.

Но в тот момент, когда он касается Коли, происходит сдвиг.

Коля не успевает среагировать. Его тело перестаёт быть «его». Ноги отрываются от пола. Его перебрасывает через Филю — через плечо, через спину, через руку, которая всё ещё держит его.

Это не движение. Это телепортация.

Один момент он стоит рядом. В следующий — он уже внутри света.

Филя падает. Колени ударяются о твёрдый пол ковролина. Рука разжимается.

Он смотрит вверх.

Коли нет.

Вместо него — только свет. Только холод. Только тишина.

Свет начинает тускнеть. Пол снова становится твёрдым. Запах озона уходит. Шум двигателей возвращается, ровный и равнодушный.

Филя стоял на коленях, глядя в пустоту за занавеской. Он сжимал руку, которая только что держала друга.

Он не знал, куда тот ушёл. Знал только, что Коли больше нет. И что он сам теперь другой.

А Коля уже не был в самолёте.

Он очнулся не от толчка, а от тишины. Гул двигателей исчез. Исчез запах кофе и ковролина.

Вокруг — ни стен, ни пола. Только свет. Мерцающая дым-

ка, в которой иногда вспыхивали золотые искры. Она пульсировала в такт чему-то невидимому — может быть, его сердцу, может быть, чужому ритму.

Перед ним стояла Полина. Та самая стюардесса, но теперь без синей формы. На ней было то самое чёрное, блестящее облачение, в котором она прошла сквозь обшивку. Оно облегало её тело, как вторая кожа, и пульсировало в такт чему-то невидимому.

Вокруг Коли начал собираться рой. Золотистые искры плазмы переплетались с чёрными нитями симбокожи. Они кружились вокруг него, создавая плотный кокон, изолируя от плазмотуннеля, ведущего неизвестно куда. Воздух стал густым, вязким, пахнущим озоном и электричеством.

Полина сделала шаг к нему. Её лицо было спокойным, почти скучающим. Только зелёные глаза горели тем самым холодным, завораживающим огнём.

— Жду от тебя вопросов, — сказала она. Голос её прозвучал чисто, без эха, будто они были в звукоизолированной студии. — Но учти: вопрос только один. Больше не успеешь.

Коля открыл рот. Горло пересохло. Сердце колотилось где-то в горле. Он хотел спросить: «Где я?», «Что это?», «Верни меня!». Но слова путались. И вдруг, вспомнив тот самый спор в аэропорту, ту самую боль от проигранной партии, он выдохнул единственное, что имело смысл в этом абсурдном сне:

— Кто вы?

Полина улыбнулась. Улыбка вышла хищной, красивой и бесконечно одинокой. Она наклонилась к нему, и её зелёные глаза заполнили всё его поле зрения.

— Я? — переспросила она тихо. — Я твой утраченный впустую ферзь.

Рой вокруг Коли ускорился. Золотисто-чёрные спирали начали смыкаться, сдавливая пространство.

— А я, Коля… — её голос стал бархатным, густым от цинизма, — …я Королева мата среди всех ваших шахов.

«Королева мата, — голос Ивана Сергеевич дрогнул. — Мать… Опять за шахматные метафоры во время задания. Полечка, мальчик и так в шоке! Рой готов. Работай.»

Полина щёлкнула пальцами.

Рой разом устремился внутрь Коли. Не больно. Страшно. Как будто тысячи мелких иголочек одновременно вошли в каждую пору кожи. Мир перед глазами свернулся в тёмную воронку. Последнее, что он увидел — её великолепные, неестественно яркие зелёные глаза. Они смотрели на него с какой-то странной, почти материнской нежностью, смешанной с абсолютным равнодушием хищника.

Полина смотрела на него сверху вниз. В её зелёных глазах не было ни страха, ни злости. Только тихое, спокойное любопытство. И в этом взгляде было что-то, отчего сердце Коли забилось не от ужаса. От чего-то другого. Тёплого. Сладкого. Незнакомого.

Сознание оборвалось.

Но в голове, в самой глубине подсознания, где ещё теплилась память о земле, о доме, о друге Филе, вдруг зазвучала музыка. Знакомая, тёплая, до боли родная мелодия из телевизора. И голос Леонида Боярского, хриплый и искренний, перекрыл собой гул туннеля:

«Мне душу лечит…

Зеленоглазое такси,

Притормози, притормози…»

И вместе с музыкой пришло чувство. Не страх. Не ужас. А что-то другое. Трепетное, сладкое и пугающее. Первая любовь. Не к маме, не к однокласснице. К этой взрослой, опасной, инопланетной женщине с зелёными глазами, которая только что назвала себя Королевой мата.

Коля потерял сознание, улыбаясь во сне.

ИНТЕРЛЮДИЯ · АНЕКДОТ ПРО СПЯЩЕГО КРАСАВЦА

Вертера стояла в полумраке служебного шлюза. Свет был приглушён до минимума — ровно настолько, чтобы датчики считывали биометрию, но не резали глаза. Тишина здесь была другой: не стерильной, как в медцентре, а живой, дышащей гудением вентиляции и далёким, едва уловимым гулом орбитальных двигателей.

Полина вышла из шлюза первой. Она двигалась медленно, словно тело всё ещё помнило вес плазмы и тяжесть чужого времени. За её спиной, в мягком свечении магнитного поля,

парила прозрачная капсула со спящим Колей. Мальчик лежал на боку, поджав колени, и во сне его лицо казалось ещё моложе, чем наяву.

Вертера не сказала «Здравствуйте». Не спросила «Как операция?». Её голос прозвучал тихо, почти интимно, нарушая протокол приветствия:

— Полина, вам ещё нравятся мои анекдоты?

Полина остановилась. Устало повела плечами, но не обернулась.

— Ты сомневаешься?

— Я про Мальвину вспомнила. Ту давешнюю. Сомневаюсь. Спасибо, что вы та же… — Вертера сделала паузу, будто проверяя реакцию. — Так вот. Действие в троллейбусе восьмидесятых двадцатого века. **Пассажирка:** Водитель, у вас тут спящий красавец. Пыталась разбудить — не смогла. **Водитель:** Целовать не пробовали?

Тишина растянулась. Гудение вентиляции стало громче. Капсула с Колей слегка покачнулась, выравнивая поле.

Полина замерла. Медленно повернула голову. В её взгляде не было раздражения. Только глубокая, тихая усталость человека, который только что перешагнул через собственную тень.

— Не знаю, какая сила вселенская в тебя вселяется, Вертера, — сказала она хрипло. — Но иногда я просто тебя боюсь. Опять напророчила…

Она не стала объяснять. Не стала говорить про Плазмио-

на, про симбиоз, про то, что поцелуй здесь — это метафора рождения новой сущности, передачи кода жизни. Вертера поняла это сама. Машина знала суть лучше, чем человек, но выражала её через бытовую нелепость, потому что иначе эта правда была бы невыносима.

Полина махнула рукой — жест, в котором было больше благодарности, чем в любых словах. И ушла. Шаги её растворились в коридоре, оставив после себя лишь запах озона и остывающего чая.

Вертера осталась одна. Перед ней — капсула. Внутри — мальчик.

Она посмотрела на него. Не как на субъекта операции. Не как на носителя роя. Как на существо.

Это не спящий красавец, — пронеслось в её процессоре. Это существо из прошлого мира с открытыми древними инстинктами и желаниями. Его надо не в реабилитацию медицинскую, а к его продвинутым собратьям, говорящим обезьянам — на реабилитацию социальную.

Так должен был подумать человек. Так она и сделает. Алиса, Полина и Иван Сергеевич будут довольны её самостоятельностью и поставят высокую оценку её догадливости.

Вертера коснулась панели управления. Капсула плавно скользнула вперёд, следуя за ней в тихом, бесшумном движении. Коридор встретил их ровным белым светом, но теперь он казался не больничным, а уютным. Безопасным.

И в этот момент из капсулы донёсся звук. Тихий, ровный,

абсолютно земной.

Коля легонько всхрапнул во сне.

Вертера не улыбнулась — её лицевые модули не были настроены на эту эмоцию. Но внутри неё, в самом центре логического ядра, щёлкнул переключатель уверенности.

Правильный выбор подтверждён биологическим маркером покоя.

Она повела капсулу дальше. В тишину, в тепло, к тем, кто умеет смеяться и жить без оправданий. К тем, кто научит мальчика быть живым, прежде чем учить его быть Богом.

Глава 2. Вхождение в Проект

СЦЕНА 1 · ПРОБУЖДЕНИЕ В КОСМОЗОО

Коля медленно открывает глаза.

Последнее, что он помнил — зелёные глаза, щелчок пальцев, и тысячи игл, вошедших в кожу. Теперь — зелёный свет и лианы.

Он не чувствует ни земли, ни постели. Только воздух — влажный, тёплый, пахнущий листвой и чем-то сладким, как будто где-то рядом растёт шоколад. Или жженый сахар.

Он поднимает голову и видит ветви. Толстые, как стволы деревьев, они переплетаются над ним, создавая живой купол, сквозь который пробивается мягкий, зеленоватый свет. Он лежит в гамаке из лиан, которые обвивают его тело, как будто специально уложили сюда для хранения.

Коля пытается подняться — лианы не пускают. Дёргается — они становятся только плотнее, упругее, живее.

Рядом, на толстой ветке, сидят две обезьяны. Они не просто сидят. Они наблюдают. Одна из них, с огромными клыками и умными, почти человеческими глазами, тычет его пальцем в плечо. Не больно. Любопытно. Как проверяют спелость фрукта.

— Где я? Что это? — хрипит Коля. Горло пересохло неизвестно почему, но это было совсем неправильно.

Обезьяны переглядываются. Переглядывание выходит

слишком осмысленным, слишком людским.

Обезьяна 1 (с огромными зубами, басом): — Ты глянь, какой мохнатый. А думает, что он человек.

Обезьяна 2 (хихикает, прикрывая рот лапой): — Мохнатый, а толку. Даже из лиан вылезти не может. Слабак.

Коля замирает. Не верит своим ушам.

— Вы… вы говорите по-русски?

Обезьяна 2: — А то нет. Мы вообще-то разумные. Мы здесь работаем. Смотрители, между прочим.

Обезьяна 1: — Тебя, что, Вертера сюда засунула? Она всё путает. В прошлый раз она тигра в детский сад отправила. Пришлось успокаивать родителей.

Они смеются — громко, с хрипотцой, как две торговки на базаре, обсудившие последнюю новость. Смех эхом отдаётся в живых ветвях.

Коля смотрит на них, на лианы, на этот невозможный зелёный потолок. Он просто висит, чувствуя себя экспонатом.

Обезьяна-шеф говорит второй:

— Иди качни мохнатого, а то совсем разволновался. Инфаркт случится у него, а нас месячного пакета бананов с лунными персиками лишат.

Вторая проворно подбегает к Коле. Коля жмурит от страха глаза, думая, что фаза насмешки переросла в фазу драки. Но ничего плохого не случается. Обезьяна просто несколько раз его качнула, как ребёнка в кроватке.

Коле вдруг захорошело. Не от слов, а от ритма. Покачива-

ния. В ушах возникла мамина колыбельная. По телу распространилась мягкая теплота. Он неконтролируемо улыбнулся и зачмокал губами. Как будто маленький ребёнок. Никогда ему не было так приятно. Или он уже забыл.

Через минуту шум листвы меняется. Появляется Алиса.

Она выглядит не так, как в фильмах про будущее. Никаких серебристых комбинезонов. Простая футболка, джинсы, растрёпанные волосы. На лице — лёгкая усталость и та самая усмешка, которую Коля уже начал узнавать как знак безопасности.

Она смотрит на Колю, потом на обезьян. Вздыхает, качает головой.

— Опять Вертера, — говорит она устало, но без злости. — Она что, приняла тебя за альтернативную обезьяну? Или решила, что тебе нужна акклиматизация через зоопарк?

Коля молчит. Он боится, что если откроет рот, то снова услышит смех обезьян.

Алиса подходит ближе. Протягивает руку. Лианы сами собой разжимаются, освобождая его.

— Она в прошлом году отправила делегацию пингвинов на конференцию по квантовой физике, — продолжает Алиса, помогая Коле сесть. — Пришлось их вытаскивать оттуда вручную. Они там все формулы клювиками расклевали.

Коля наконец находит голос.

— Кто такая Вертера?

Алиса улыбается. Но улыбка выходит не простая. С чуть

заметной грустью.

— Она… сложный случай. Андроид. В Институте Времени её считают «почти человеком». Я считаю — почти. Но она думает, что уже. И поэтому всё время пытается помочь. Иногда — в ущерб инструкциям. Тебя она, кажется, решила провести через Космозоо. Чтобы ты понял: мир больше, чем твой самолёт.

Она замолкает. Смотрит на Колю с любопытством, которое он не может расшифровать.

— Ты ведь не знаешь, кто я, да?

Коля качает головой.

— Я… видел тебя на днях. В фильме. Про Гостью из будущего. Там была девочка… Алиса. Но это же не ты. Это просто фильм.

Алиса усмехается. Садится на корточки рядом с ним. Теперь их глаза на одном уровне.

— Это и есть я, — говорит она. — Только не совсем. Я — прототип. Тот, кого снимали. Тот, про кого писали книги. Институт Времени разбрасывает такие образы по альтерреальностям. Чтобы люди помнили: будущее есть. Даже если оно ещё не наступило.

— А я? — спрашивает Коля. — Я тоже прототип?

Алиса смотрит на него долго. Взгляд становится серьёзным.

— Ты — Герасимов. Коля Герасимов. Ты тот самый. Я тебя жду уже давно. Знаешь, почему?

Коля молчит.

— Потому что ты не сгорел. Ты исчез из своего мира раньше, чем он сгорел. А это значит, что ты устойчивый. Ты тот, кто может жить в Призрачном мире, не разрушая его. И ты тот, кто может выдержать встречу с тем, что мы строим.

Она встаёт. Протягивает руку.

— Пойдём. Я покажу тебе Космозоо. Настоящее. Не то, что в книгах. И не то, что в фильмах.

Обезьяны смотрят им вслед.

Обезьяна 1: — Ну и молодёжь пошла. Никакого уважения к старшим смотрителям.

Обезьяна 2: — Главное, что не обезьяна. А то бы мы его уже научили бананы чистить.

Они снова смеются. Хрипло. Задорно.

Коля идёт за Алисой, оглядываясь. Обезьяны машут ему — не прощаясь, а как бы говоря: «Ну давай, иди. Мы тут остаёмся.»

Он не знает, куда идёт. Не знает, кто эти обезьяны. Не знает, что такое Космозоо.

Но он знает одно: его ждали. И он идёт.

Мир вокруг живой. Он дышит. И он ждёт.

«Ну вот, Колян. Добро пожаловать в Космозоо, — голос Ивана Сергеевича прозвучал ровно, без тени иронии. — Здесь даже обезьяны умнее некоторых профессоров. Алиса — свой человек. Точнее, свой карсимб. Прокариотный симбионт. Она тебя в обиду не даст. Но это не значит, что

тебе будет легко. Иди. Ты теперь дома. Почти.»

СЦЕНА 2 · КОСМОЗОО. ДОГОВОР

Обезьяны остались позади, хрипло смеясь над своей собственной шуткой про бананы. Коля шёл за Алисой по живой тропе, ожидая увидеть клетки, вольеры или хотя бы таблички с названиями видов. Он думал, что Космозоо — это музей, где природа законсервирована для памяти.

Но Алиса привела его не к клеткам. Она открыла дверь в зал, который не был похож ни на зоопарк, ни на лабораторию. Это было пространство тишины и света, где воздух казался густым, как вода.

— Ты обещала показать мне Космозоо, — сказал Коля, останавливаясь на пороге. Голос его прозвучал неуверенно. Здесь не было привычных запахов зверинца. Пахло озоном, влажной землёй и чем-то сладковатым, как расплавленный сахар.

— Я выполняю обещания, Коля, — ответила Алиса. Её голос был тихим, но твёрдым. — Но здесь нет экспонатов. Здесь есть партнёры. И чтобы их увидеть, ты должен перестать смотреть глазами. Закрой их. И послушай.

Коля подчинился. Темнота за веками мгновенно заполнилась шумом. Не звуком — ощущением.

Первое, что ударило в него, была боль. Острая, пульсирующая, тягучая. Она шла откуда-то снизу, из глубины зала. Это не был человеческий стон. Это была вибрация страда-

ния существа, которое слишком велико для этого помещения. Боль была конкретной: там, где должна быть челюсть, горело огнём; десна ныла тупой, ржавой тяжестью.

— Крокодил, — прошептала Алиса рядом. — У него болит зуб. Архейный симбионт в его нервной системе переводит физиологическую боль в сигнал, понятный нам. Он не рычит. Он жалуется. Потому что доверяет.

Коля поморщился. Ему захотелось открыть глаза, убежать от этой чужой боли. Но он остался стоять. Боль была настоящей. В ней не было угрозы — только просьба о помощи, которую невозможно игнорировать.

— Не бойся, — сказала Алиса. — Боль — это язык доверия. Они делятся с тобой тем, что есть. Без маски.

Боль крокодила начала утихать, растворяясь в новом потоке. Теперь это был ритм. Частый, мерцающий, сложный. Коля «увидел» его не как картинку, а как код. Тысячи вспышек, накладывающихся друг на друга, создавали структуру, похожую на музыку или математику.

— Птицы Говоруны, — пояснила Алиса. — Стайный интеллект. Они не щебечут. Они обмениваются данными через гребешки. Зашифрованный код эмоций и фактов. Сейчас они обсуждают тебя. Твой запах. Твой страх. Твою готовность слушать.

Коля почувствовал, как этот код проходит сквозь него. Он не понимал слов, но понял смысл: *Чужой. Теплый. Слушает. Не хищник.*

Потом поток изменился снова. Стал мягким, переливающимся. Изменял цвет и температуру прямо внутри его сознания. Сначала — тревожный серый, потом — любопытный голубой, затем — тёплый золотистый.

— Плазмоклубок, — сказала Алиса. — Эмоциональный барометр. Его настроение — это погода в зале. Сейчас ему интересно. Ты нравишься ему.

И наконец — четкость. Смысл. Из хаоса боли, кода и цвета собралась фигура. Не человек. Не животное. Существо, сотканное из всех этих сигналов одновременно. Оно обратилось к Коле не словами, а состоянием. И это состояние было переводимо.

«Мы — не декорация. Мы — часть. Ты слышишь нас? Тогда мы можем говорить.»

Коля открыл глаза. Зал был пуст. Никаких клеток. Только свет, лианы и три источника сигнала: огромный силуэт у дальней стены, стая птиц под куполом и парящий сгусток плазмы в центре. Но теперь он видел их иначе. Не как объекты. Как субъектов.

— Что это? — спросил он. Голос его дрожал, но не от страха. От потрясения.

— Ампара, — сказала Алиса. — Антропоморфные пары. Не потому что они становятся людьми. А потому что симбиоз делает их доступными человеческому общению. Крокодил, птицы, плазма — они сохранили свою природу, но обрели субъектность. Они могут договориться.

Она посмотрела на него. В её глазах была та самая усталость, но теперь Коля понимал её причину.

— Это не магия, Коля. Это Договор коэволюции. Мы поднимаем другие виды до уровня мыслящих партнёров. А они делают свой вклад в выживание мира. В негэнтропию. Порядок через разнообразие. Без этого Светлое Будущее — просто красивая декорация. А с этим — оно живое.

Коля смотрел на силуэт крокодила. Боль больше не пугала. Она была знаком того, что перед ним — личность.

— Я слышал их, — сказал он тихо. — Всех.

— Ты начал договариваться, — поправила Алиса. — Это первый шаг. Самый трудный.

Она подошла ближе. Положила руку ему на плечо. Тепло её ладони было таким же настоящим, как боль крокодила и код птиц.

— Теперь ты знаешь, ради чего мы держимся, — сказала она. — Ради этого Договора. Ради того, чтобы боль можно было разделить, а код — понять.

Коля кивнул. Мир вокруг него изменился. Лианы дышали. Свет имел настроение. Тишина была наполнена голосами, которые он теперь мог слышать.

— Я готов, — сказал он. И впервые за всё время это значило не «я согласен», а «я понимаю».

Алиса улыбнулась. Тихо. По настоящему.

— Тогда пошли, — сказала она. — Ты увидел, как мы живём. Теперь ты должен увидеть, как мы падаем. Чтобы по-

нять, почему нам нельзя разбиться.

Она повела его дальше. В зал Симоплана. Но Коля шёл уже другим. Он нёс в себе боль крокодила, код птиц и тепло плазмы. Он нёс Договор. И этот груз делал его не тяжелее, а устойчивее.

СЦЕНА 3 · СИМОПЛАН

Алиса привела его в небольшой, полутемный зал. Посреди зала стояла капсула — гладкая, белая, похожая на огромное яйцо или жемчужину.

— Заходи, — сказала она. — Тебе нужно увидеть. Не на словах. Глазами.

Дверь капсулы бесшумно отъехала в сторону. Внутри было два кресла — тесных, обтянутых мягким материалом, пахнущих озоном и чем-то сладковатым, как сухая трава после дождя.

Алиса села первая. Ловко пристегнулась — ремни сами обвили её тело, фиксируя плечи, пояс, ноги.

— Садись, — сказала она. — Я рядом.

Коля помедлил. Но сел. Ремни тут же обвили и его — мягко, но настойчиво, как в самолёте, только без страха.

— Что это? — спросил он, пытаясь повернуть голову.

— Симоплан, — сказала Алиса. — Симулятор планетарного обзора. Только мы не смотрим. Мы — входим. В чужие глаза. В чужое тело. В чужое падение.

— В чужое падение?

— Да. Мы сейчас увидим одного человека. Ты его знаешь. Он голос в твоей голове. Но он не просто голос.

Она повернулась к нему. Её глаза были спокойными, но в них чувствовалось напряжение — как у человека, который уже знает, что будет дальше, но всё равно переживает.

— Ты готов? — спросила она.

Коля сглотнул. Горло пересохло.

— Нет.

Алиса усмехнулась. Усмешка вышла не ироничной — почти родной.

— Я тоже никогда не готова. Но это не значит, что нельзя.

Она коснулась панели. Перед ними развернулся полусферический экран — не как в кино, а как укутавшая их сфера. Мир капсулы исчез. Остались только они вдвоём — и то, что должно было случиться.

— Дыши, — сказала Алиса. — Просто дыши. Не пытайся контролировать. Просто принимай.

Она сама сделала глубокий вдох. Коля повторил. Грудь наполнилась воздухом. Холодным. Чистым. Как на балконе зимой. Он вспомнил этот холод. Минус восемнадцать. Дыхание паром.

— Теперь — смотри, — сказала Алиса.

Экран загорелся.

Они стояли на краю платформы. Не как зрители — как участники. Коля чувствовал пустоту мрака, который встал перед ним. Чувствовал металл под ногами. Чувствовал паль-

цы, сжимающие поручень.

И он знал: пальцы — не его. Они принадлежали другому. Тому, кто сейчас стоял на панели орбитального завода «Гефест» на высоте 450 километров над Землёй.

Рядом слышалось ровное дыхание Алисы. Она была здесь — он чувствовал её присутствие. Это помогало. Она была как якорь, который не даёт ему улететь в это падение без возврата.

Вокруг фигуры на платформе стояли десять других — в чёрной симбокоже, держась за руки. Они создавали поле. Коля чувствовал его как вибрацию, которая проходила сквозь тело.

И голос. Внутри.

«Поле стабилизировано. Три. Два. Один.»

— Он прыгает сейчас, — прошептала Алиса. — Смотри.

Фигура шагнула в пустоту.

Не упала. *Шагнула*.

Мир под ним перевернулся. Земля — огромная, сине-зелёная, с сетью огней — начала расти. Появился ветер. Становясь плотнее и тяжелее. Симбокожа вспыхнула золотисто-голубым светом, превращая тело в живую стрелу.

Коля сжал подлокотники. Он знал, что сидит в капсуле. Но тело отказывалось верить. Оно чувствовало падение. Чувствовало, как воздух становится стеной. Как плазма гасит скорость, превращая смертельный спуск в скольжение.

Он видел облака. Чувствовал, как они проходят сквозь

него — холодные, влажные. Земля росла. Континенты проступали. Он видел реки, леса, города.

— А где человечность? — спросил он. Голос его дрожал. — В этом прыжке?

Алиса ответила не сразу. Она тоже была в нём — в падении, в ветре, в плазме.

— Человечность — в выборе, — сказала она. — Тот, кто прыгает, мог бы спуститься на лифте. Или на челноке. Но он выбрал прыжок. Потому что только в свободном падении, между небом и землёй, человек испытывает свой дух – цельность.

Коля хотел спросить: «Целым для чего?» Но не успел.

Земля ударила в лицо — и тут же отпрянула. Купол. Замедление. Мягкое касание.

Ноги коснулись травы. Он чувствовал её. Зелёную. Живую.

Голос — теперь уже человеческий:

«Прибыл. Через две минуты — контакт с координатором.»

Экран погас.

Коля сидел в кресле, тяжело дыша. Руки дрожали. Он смотрел на них. Они были его. Но они помнили чужой ветер. Чужую Землю.

Алиса отстегнулась первой. Она повернулась к нему.

— Ты молодец, — сказала она. — Первый раз всегда страшно. Но ты не отключился.

Она протянула руку. Помогла ему расстегнуть ремни.

Коля поднял глаза. Он был бледным, но глаза уже не были пустыми. В них была осмысленность.

— Кто это был? — спросил он.

— Иван Сергеевич, — ответила Алиса. — Ты слышал его. Теперь ты его увидел.

— Он прыгает без скафандра?

— Симбокожа — её достаточно. Скафандр мешает чувствовать.

Коля закрыл глаза. Он всё ещё чувствовал ветер. Всё ещё чувствовал траву под ногами, хотя они сидели в капсуле.

— Зачем он это делает?

Алиса посмотрела на него. Устало, но с теплотой, как старшая сестра, которая знает, что объяснять придётся долго, но не перестанет.

— Наш директор Иван Сергеевич показал элемент операции в результате которой ты здесь. Чтобы показать тебе — мы не просто говорим. Мы делаем. И чтобы ты понял: прыжок — это разговор с гравитацией. С плазмой. С миром.

Она помолчала.

— Если ты научишься этому — ты станешь частью системы. Или не станешь. Это тоже выбор.

Коля посмотрел на свои руки. Они всё ещё дрожали.

— Я хочу научиться, — сказал он. Тихо. Но твёрдо.

Алиса не улыбнулась. Просто кивнула.

— Тогда пошли.

СЦЕНА 4 · ПОЛИНА

Коля кивнул, не поднимая глаз.

И тогда он увидел её.

Она стояла в дверях. Симбокожа — чёрная, блестящая, текучая — облегала тело. Зелёные глаза горели в полумраке. Те самые. Которые смотрели на него с той самой улыбкой, когда она назвала себя Королевой мата.

Коля вскочил.

Он не знал, что сделает — ударит, закричит, убежит. Но тело среагировало быстрее головы. Он отпрянул к стене капсулы, врезавшись спиной в панели. Рот открылся, но звук застрял где-то в горле.

Она сделала шаг вперёд.

— Не подходи, — выдохнул он. Голос его сорвался на хрип. — Не подходи ко мне.

Полина остановилась.

Она смотрела на него. На его дрожащие руки. На его лицо — испуганное, но не сломленное. На то, как он сжал кулаки, готовый защищаться. На то, как он смотрел на неё — с ненавистью, со страхом, с тем самым мальчишеским «я не сдамся», которое она не ожидала увидеть.

Любовь вторглась в её тело. Не как мысль. Как факт. Как удар. Она не думала, что любовь может генерировать тело. Не сознание — плоть. Она чувствовала это в груди, в животе, в пальцах, которые сжались в кулаки. Она смотрела на него

— и тело откликалось.

«Ты не должен был быть таким живым,» — подумала она. *«Ты должен был быть просто заданием.»*

Но тело не слушалось. Оно помнило, как Плазмион бился внутри неё. А теперь она видела того, кто будет нести его. И любовь к Плазмиону, любовь к тому, что она родила, — перетекла в любовь к нему.

Она ругала себя. Она не имела права. Он — подросток. Она — взрослая женщина. Это неправильно. Это стыдно.

Но тело не слушалось.

Особенно когда она смотрела на него рядом с Алисой. На то, как она заботится о нём. На то, как он смотрит на неё — с доверием, с надеждой, с тем самым детским «ты — мой человек», которое она сама хотела бы увидеть в его глазах. Алиса уже была рядом. Она уже стала его проводником. Его мастером. Его связью с этим миром. А Полина — только та, кто его похитила.

Она отвела взгляд. Сделала шаг. Голос — ровный, холодный, как учили.

— Коля, — сказала она. Голос её был ровным, но в нём не было ни приказа, ни просьбы. Просто имя. — Ты в безопасности.

— В безопасности? — он засмеялся. Нервно, срывающе, почти истерично. — Ты ворвалась в мой самолёт. Ты усыпила всех. Ты проходила мимо нас три раза. Ты… ты была там. В том свете. Ты сказала, что ты Королева мата. И я не знаю,

что это значит. И я не знаю, где я. И я не знаю, вернусь ли я домой.

Он замолчал. Горло пересохло. Дыхание стало прерывистым.

Полина смотрела на него. В её глазах не было ни обиды, ни раздражения. Только спокойствие. И в этом спокойствии было что-то страшное.

— Ты прав, — сказала она тихо. — Я ворвалась. Я не спросила. Я тебя забрала. Это нехорошо. Это даже несправедливо. Но если бы я спросила — ты бы не согласился.

— Откуда ты знаешь? — выкрикнул Коля.

— Потому что никто не соглашается добровольно на то, чего не понимает. Ты не понимал, что происходит. Ты не понимал, что твой мир сгорит через семь лет. Ты не понимал, что тебя ждут.

Она сделала ещё один шаг. Медленно, как к испуганному зверю.

— Я сделала это не чтобы тебя обидеть. Я сделала это, потому что ты нужен. Не мне. Не Ивану. Не Институту. А тому, что уже родилось.

Коля смотрел на неё. Руки всё ещё дрожали, но дыхание начало выравниваться.

— Что родилось? — спросил он. Голос стал тише.

— Плазмион, — сказала Полина. — Ты должен стать его парой. Ты — тот, кто сможет воспитать его. Ты — кто сможет научить его быть человеком. Или чем-то большим. Ты

не знаешь, что это значит, и я не буду объяснять тебе сейчас. Но однажды ты поймёшь. И ты скажешь спасибо.

Коля молчал. Он смотрел на неё, пытаясь найти в её лице что-то, что он мог бы понять. И не находил. Только зелёные глаза. Такие же, как в туннеле. Такие же, как в самолёте.

— Ты хоть понимаешь, что ты сделала? — спросил он почти шёпотом. — Мой друг. Филя. Он видел это всё. Он остался там. Один. С этим знанием. Он ничего не сможет рассказать. И он будет жить с этим один.

Полина молчала. Впервые за всё время она опустила глаза. Она знала. Она видела его. Он останется там. Он будет жить. Он будет помнить. Это — его путь. Не Колин.

— Я знаю, — сказала она. — Я видела его. Он остался. Он будет жить. И он будет помнить. Это — его путь. Не твой.

Коля закрыл глаза. На секунду — он увидел Филю. В самолёте. На коленях. Сжимающего руку, которая только что держала его.

— Я не хочу быть частью этого, — сказал он. Но голос его уже не звучал уверенно.

— Я знаю, — сказала Полина. — Но ты уже часть.

Она протянула руку. Не к нему — к выходу.

— Пойдём. Я покажу тебе, где ты будешь жить.

Коля медленно выдохнул. Разжал кулаки. Шагнул вперёд — не к ней, а просто в сторону. Мимо неё.

— Ты идёшь? — спросил он.

Полина улыбнулась. Впервые — не холодно, не хищно.

Чуть заметно. Почти тепло.

— Иду.

Коля вышел с Алисой из зала.

Полина смотрела им вслед. На то, как Алиса положила руку ему на плечо. На то, как он не отстранился. На то, как они двигались вместе — уже как свои.

Она вздохнула. И тихо, чтобы никто не услышал, сказала в пустоту:

— Ну вот. Первый контакт. Не с Плазмионом. Со мной.

СЦЕНА 5 · ВЫБОР

Они вышли из зала. Коля пошатнулся — ноги плохо слушались после симоплана. Мир вокруг казался слишком нереальным после того, как он только что падал с орбиты чужим телом.

Алиса взяла его под руку.

— Первый раз всегда так, — сказала она. — Потом привыкаешь.

— Привыкаешь падать с высоты 450 километров? — спросил Коля. Голос всё ещё дрожал.

— Привыкаешь доверять.

Они прошли по коридору. Свет был ровным, белым, без теней. Казалось, само пространство Института не терпело темноты.

Навстречу им вышла Полина. Она была уже не в симбокоже — в чёрной водолазке и брюках. Просто. Спокойно. Как

человек, который может быть кем угодно.

— Приходько на связи, — сказала она. — Спустился. Через десять минут будет здесь.

Алиса кивнула.

— Мы встретим его. Коля, ты пока пройдёшь обследование. Вертера уже ждёт.

Коля посмотрел на неё. Она улыбнулась — коротко, ободряюще.

— Всё будет хорошо. Просто проверка. Узнаешь, как там твой организм после всего этого.

Она отпустила его руку. Полина уже развернулась и пошла в сторону главного входа. Алиса задержалась на секунду.

— Ты справишься, — сказала она. — И запомни: Светлое будущее — это не место. Это время, которое мы выбираем каждый день.

Она ушла.

Коля остался один в коридоре. На мгновение ему показалось, что он снова стоит на балконе в минус восемнадцать. Тот же холод внутри. Та же тишина.

Коля встал у стены. Ладони были мокрыми. Он прижал их к холодному металлу панели вызова лифта — настоящий, успокаивающий холод. Мир перестал качаться.

Рядом тихо гудел автомат. На экране мерцали картинки: пломбир, эскимо, стаканчик. Голос Вертеры, мягкий и чуть насмешливый, произнес:

— Угадаю ваше настроение по биому… Или просто рас-

скажу анекдот? Купил мужик попугая. Тот молчит как рыба. Мужик месяц терпит, потом не выдерживает: «Ты хоть слово скажи!» Попугай отвечает: «А я думал, ты немой».

Фраза от попугая повисла в воздухе — тихая, безопасная, бессмысленная. Коля моргнул. Запах озона сменился слабым ароматом ванили. Не тот сладковато-страшный запах из туннеля. Просто воздух. Просто выбор.

Он нажал кнопку. Аппарат загудел, выдавая стаканчик. Холод обжег пальцы. Настоящий. Съедобный. Его.

Он сделал шаг вперёд — и дверь медцентра открылась перед ним.

Вертера сидела на краю кушетки, сложив руки на коленях так аккуратно, будто боялась сломать собственные пальцы. Лицо неподвижное, но в глазах — печальная сосредоточенность марионетки, которая очень хочет стать настоящим мальчиком, но знает, что внутри у неё шестерёнки.

— Садись, — сказала она. — Не дёргайся.

Коля сел. Датчики коснулись висков. Холодные. Чужие.

Она работала молча, быстро, точно. Её пальцы скользили по панелям, глаза бегали по строкам данных. Через сорок минут она откинулась на спинку стула.

— Патологий нет, — сказала она ровным, лишённым тембра голосом. — Залочка Хроноса стабильна. Временной сдвиг компенсирован.

Она помолчала, глядя на Колю чуть исподлобья.

— Симбиоз прошёл успешно. Археи не проявили агрес-

сивности, твои клетки их приняли. Прокариоты интегрировались в нейросеть без когнитивных сбоев. Иммунная система немного в шоке, но справится. Ты можешь идти.

Коля встал. Вертера смотрела на него — и вдруг её голос стал тише, почти человеческим.

— Но осторожно. Внутри тебя теперь живёт толпа. Они хотят есть и думать за тебя. Не дай им.

Коля кивнул. Ему стало жаль её.

Он вышел в коридор. Алисы и Полины не было. Только тишина, белый свет и звук собственного дыхания.

Он сделал шаг к выходу.

И в этот момент перед ним возник человек.

Коля не слышал его шагов. Он просто появился — как будто стоял там всегда. Серый костюм, правильное лицо, гладкие волосы. Но главное — глаза. Они смотрели на Колю не как на человека. Как на объект. Как на статью в отчёте.

Коля почувствовал холод. Не физический — внутренний. Как будто этот человек высасывал тепло из воздуха. Он напоминал Коле учителя математики — того, кто ставил двойки за правильные ответы. И Филю — в моменте «это ради победы». Только без эмоций.

Человек взял Колю за локоть. Не больно, но настойчиво.

— Пройдёмте.

Не вопрос. Приказ. Коля пошёл следом.

Они прошли по длинному коридору, свернули в боковой проход. Человек открыл дверь, жестом пригласил войти.

Кабинет хранил дух старины. Стены заставлены стеллажами с книгами. На столе — развёрнутые свитки, древние карты, раскрытая тетрадь в кожаном переплёте. В углу — продавленное кресло, на подоконнике пышный фикус.

Человек обошёл стол, сел в большое кожаное кресло. Оно было ему велико. Он выпрямился, положил руки на столешницу.

— Садись.

Коля сел. Человек перебирал бумаги, которые лежали поверх тетради. Его пальцы оставляли на старой коже влажные следы.

— Илья Соловей, — представился он наконец. — Старший аналитик Института Времени. Поскольку Иван Сергеевич сейчас занят подготовкой к переходу, я проведу твой вводный инструктаж.

Он взял планшет. Голос — сухой, сыпучий, без эмоций. Пункты, параграфы, ограничения. Каждое слово правильное. Он говорил так, будто весь Институт держится на этих бумагах. Будто он здесь главный.

— …любая несанкционированная активность будет расценена как угроза стабильности контура. Ты не имеешь права покидать зону Института без сопровождения. Твои перемещения фиксируются. Твои мысли — нет. Но это только пока.

Он замолчал, глядя на Колю поверх планшета.

— Ты знаешь, зачем тебя вытащили из 1984 года?

Коля молчал. Соловей улыбнулся — не зло, а скорее с сожалением.

Он замолчал. Секунду. Две. Пауза повисла в воздухе, как затянувшаяся нота. В кабинете стало тихо — даже часы перестали тикать.

— Ты думаешь, что ты здесь, чтобы спасти мир, — сказал он. — Нет. Ты здесь, чтобы родить Бога.

Коля сжал кулаки. Пальцы впились в ладони. Он не сказал ни слова — но Соловей увидел.

Он видел это. Он видел, что мальчик не сломлен. Не испуган. Он сжат, но не раздавлен.

Планшет в руках Соловья чуть дрогнул. Пальцы сжали его сильнее. Голос, когда он заговорил снова, стал на полтона тише — но не мягче.

— Того, кто заменит всех людей. Кто сделает их рабами — не через страх, через любовь.

Он говорил ровно. Спокойно. Как лектор, который читает курс «Реальность» — и не ждёт вопросов.

Коля смотрел на него и вспоминал Филю. Тот тоже любил говорить правильно. *«Это ради победы, Коля»*. И толкал его в огонь. Соловей не толкал. Он давил весом правил. Но суть была та же: человек — это ресурс. А ресурс должен быть учтён.

— …таким образом, любое отклонение от графика будет расценено как саботаж, — закончил Соловей.

Он посмотрел на Колю. Тот молчал. Но Соловей видел:

этот мальчик запомнит всё. Каждое слово. Каждый жест.

«Он не сломлен, — подумал Соловей. — Он не сдастся. Он — угроза.»

— Вопросы есть? — спросил он. Голос — ровный, как ни в чём не бывало.

Коля молчал. Ему хотелось плюнуть в это правильное лицо. Он ненавидел этот мир. Ненавидел Институт. Ненавидел себя за то, что поверил Алисе. Что поверил в прыжок Приходько. Что поверил в то, что здесь есть смысл.

В этот момент дверь бесшумно открылась.

Я вошёл. Домашний свитер, растрёпанные волосы. В руках — две чашки с чаем. Остановился на пороге.

— Привет, Коля, — сказал я тихо, игнорируя Соловья. — Наконец-то увидел тебя живым и здоровым. Как Вертера?

— Нормально, — хрипло ответил Коля. — Археи сыты.

Я перевёл взгляд на человека за столом.

— Илья. Ты чего у меня в кабинете делаешь?

Соловей выпрямился, пытаясь сохранить достоинство:

— Иван Сергеевич, я проводил вводный инструктаж для нового субъекта. Согласно пункту 4.5 регламента…

— Выйди, — тихо сказал я.

— Но мне нужно было уточнить статус субъекта…

— Завтра доложишь по аналитике операции. Готовься. А сейчас — выйди.

Соловей побледнел. Он понял, что переиграл. Он хотел показать власть — а показал лишь свою навязчивость. Быст-

ро встал, опрокинул стул. Выскользнул из кабинета, не смея поднять глаз.

Дверь закрылась за ним.

Он шёл по коридору. Свет — белый, ровный, безжалостный. Он не знал, куда идёт. Он просто шёл.

Дыхание сбилось. Он остановился. Прислонился к стене. Закрыл глаза.

«Он запомнит, — подумал Соловей. — Он будет искать способ. Он попытается сломать наш мир. Я должен быть готов.»

Он открыл глаза. Выпрямился. Пошёл дальше.

Я подошёл к столу, поставил чашки, опустился в своё кресло. Кресло приняло мою форму.

— Извини, Колян. Илья хороший специалист. Но иногда забывает, что люди — не цифры.

Протянул чашку.

— Пей. Мята с мелиссой. Помогает от мерзости.

Коля взял чашку. Тепло обожгло ладони. Мерзость внутри начала отступать.

— Почему этот мир называется Светлым будущим? — спросил он. — Если тут есть такие, как он?

Я улыбнулся. Усталой, доброй улыбкой.

— Потому что свет нужен не тем, кто уже дома. А тем, кто заблудился в темноте. Мы — маяк, Коля. А вокруг маяка всегда кружатся чайки, которые хотят украсть рыбу. Илья — одна из таких чаек. Но свет от этого не гаснет.

Я помолчал. Открыл ящик стола. Достал две маленькие капсулы — прозрачную и золотистую.

— Теперь, Коля, главный вопрос.

Я положил их на стол перед мальчиком.

— Твой рой сейчас в спящем режиме. Он выполняет только функции самоподдержания. Он нейтрален. Он не мешает тебе быть человеком. Но и не помогает быть чем-то большим.

Я взял прозрачную капсулу.

— Это блокатор. Ты можешь принять его. Рой останется спать. Ты вернёшься в свой 1984-й год. Будешь жить, учиться, стареть. Филя будет ждать. Никаких архей, никаких плазмоидов. Никакой боли. Ты останешься собой. Целым, но одиноким в своей человеческой природе.

Я положил капсулу на стол. Затем взял золотистую.

— А это активатор. Он разбудит сеть. Но пробуждённый рой хаотичен. Он может съесть тебя изнутри, если не найти ему проводника.

Я кивнул в сторону двери, где уже стояла Алиса. Она слушала молча, прислонившись к косяку.

— Алиса согласилась стать твоим Учителем. Не просто наставником. Её сеть возьмёт твой рой под контроль. Режим Master-Slave. Она будет настраивать твои импульсы, гасить агрессию архей, синхронизировать твои мысли с системой.

Алиса шагнула в комнату. Её глаза были серьёзными.

— Это не абстрактное обучение, Коля, — тихо сказала

она. — Это связь. Если ты выберешь активатор, ты будешь зависеть от меня. Твоя стабильность, твоё здоровье, твоё сознание — всё это будет проходить через мой фильтр. Без меня ты слеп. Со мной — ты часть нас.

Я придвинул капсулы ближе.

— Выбор за тобой. Быть человеком, который носит в себе спящую тайну. Или стать архсимбом, который доверяет свою жизнь другому человеку. Быть с Алисой… или быть без неё.

Коля смотрел на прозрачную капсулу. Потом перевёл взгляд на меня. В его глазах не было растерянности. Только та самая холодная ясность, которую заметил Соловей.

— Ты сказал: «стареть», — произнёс он тихо. Голос был ровным, но каждое слово падало, как камень.

Я замер.

— Полина сказала мне, что мой мир сгорит через семь лет, — продолжил Коля. — Как можно стареть там, где через семь лет не останется ничего? Ни земли, ни неба, ни Фили.

Он не спрашивал. Он констатировал. Проверял.

— Блокатор — это не жизнь, Иван Сергеевич. Это отсрочка смерти. Ты предлагаешь мне вернуться в дом, который уже горит, и притвориться, что я не вижу дыма. Чтобы прожить эти семь лет в иллюзии?

Тишина повисла в кабинете. Тяжёлая, очищающая.

Я смотрел на него. Улыбка сошла с моего лица. Не потому что он уличил меня во лжи. А потому что он увидел суть, которую я сам пытался смягчить красивыми словами.

— Да, — сказал я наконец. Честно. Без оправданий. — Ты прав. Блокатор — это иллюзия. Там нет будущего. Есть только память о нём, которая угаснет вместе с тобой.

Я отодвинул прозрачную капсулу чуть дальше. Оставил на столе только золотистую.

— Активатор не обещает безопасности. Он обещает боль. И правду. И Алису, которая не даст тебе раствориться в этой правде. Ты не вернёшься в горящий дом. Ты построишь новый. Даже если фундамент придётся класть на пепле старого.

Коля смотрел на золотистую капсулу. Он вспомнил зелёные глаза Полины. Вспомнил её слова про семь лет. Вспомнил, как ей было страшно, но она всё равно прыгнула в чёрную дыру ради него.

Он протянул руку. Пальцы дрогнули. Но он уверенно взял золотистую капсулу.

— Я выбираю правду, — сказал он. — И связь.

Алиса выдохнула. В её глазах мелькнуло облегчение и страх одновременно.

Я кивнул.

— Тогда выпей. И приготовься. Первый урок начнётся через боль.

Коля проглотил капсулу. Тепло разлилось по телу. И вдруг он почувствовал её.

Не голос. Не мысль. Тёплое пятно в затылке, которое пульсировало в такт его дыханию. Она была там. Как будто всегда там была.

Алиса стояла напротив, глядя на него. Она тоже чувствовала это — связь, которая только что установилась между ними.

— Дыши, — сказала она тихо. — Я с тобой.

Коля закрыл глаза. Впервые за последние часы ему стало чуть легче.

Дверь за Колей закрылась. Он ушёл с Вертерой — она провожала его в новую комнату.

В кабинете остались трое.

Я сидел за своим столом, глядя на пустые чашки. Алиса стояла у окна, глядя на орбитальную цепь. Полина вошла через служебную дверь — тихо, как тень.

— Он выбрал золотую, — сказал я. Не столько им, сколько самому себе. — Значит, год будет тяжёлым.

Алиса не обернулась.

— Режим Master-Slave активирован. Моя сеть уже чувствует его рой. Он шумный. Хаотичный. Но живой.

В этот момент воздух в комнате слегка завибрировал. На стене, где раньше висела карта звёздного неба, проявился интерфейс Сигмы. Не голограмма, а поток данных, складывающийся в символы.

[СИГМА: Статус субъекта «Коля». Активация сети: Успешно. Синхронизация с оператором «Алиса»: 12%.]

Полина подошла к столу. На ней был тот самый чёрный комбинезон, который казался частью её кожи.

— Я видела выбор, — сказала она. — И слышала его слова про «связь». Он думает, что подписал контракт.

— Он подписал договор в состоянии неВычислимости, — поправил я её — И это единственно верный путь.

Полина кивнула.

— Суперпозиция. Он одновременно и наш, и не наш. И согласен, и нет. Эта неопределённость — его защита и его слабость.

[СИГМА: Уровень неВычислимости: 94%. Прогноз снижения: линейный, в течение 12 месяцев. Риск дестабилизации: высокий при внешнем вмешательстве.]

— Внешнее вмешательство, — тихо сказала Алиса. — Ты имеешь в виду Соловья?

Я поморщился.

— Илью. Он уже начал собирать данные. Его «аналитика» — это попытка найти в хаосе Коли злой умысел. Он не понимает, что хаос — это стадия рождения порядка.

— Сигма видит его действия? — спросила Полина.

[СИГМА: Действия аналитика «Соловей» классифицированы как необходимый деструктив. Тестирование устойчивости субъекта «Коля» включено в основной сценарий. Вмешательство операторов: запрещено до достижения критической точки.]

Алиса побледнела.

— Запрещено? Мы будем смотреть, как он травит маль-

чика, и ничего не делать?

— Мы сделаем главное, — сказал я жёстко. — Мы дадим ему знания. Мы дадим ему работу. Мы дадим ему Венеру, Дайсон и Архив. Чем быстрее он выйдет из состояния неВычислимости, тем меньше власти будет у Соловья над его интерпретациями. Договор Коли с системой должен стать аналоговым фактом. Не словом, а делом.

Полина подошла к окну, глядя на орбитальную цепь.

— Он должен понять, что симбиоз — это не привилегия. Это ответственность. Что Призрачный Мир принял его рой, но не его самого. Ему предстоит завоевать право быть собой заново. Каждый день.

— А если он сломается? — спросила Алиса. Голос её дрогнул.

Я посмотрел на неё с той самой усталой, мудрой улыбкой.

— Тогда мы потеряем не просто носителя. Мы потеряем шанс. А Сигма не ошибается в шансах. Она просто ждёт, пока они созреют.

[СИГМА: Начало этапа «Адаптация». Мониторинг показателей субъекта «Коля» переведён в режим реального времени. Оператору «Алиса»: обеспечить эмоциональную стабилизацию. Оператору «Полина»: обеспечить биологическую безопасность. Оператору «И.С.»: обеспечить идеологическую целостность.]

Я кивнул экрану.

— Принято. Начинаем.

Полина повернулась к Алисе.

— Не бойся за него. Бойся за себя. Когда он выйдет из суперпозиции, он станет сильнее нас всех. И тогда твой режим Master-Slave придётся менять на партнёрство. Готова ли ты к этому?

Алиса посмотрела на свои руки. Они ещё помнили тепло капсулы в колиных руках.

— Я готова, — сказала она. — Потому что другого пути нет.

[ГОЛОС АВТОРА (Иван Сергеевич):]

«Ну вот, Колян. Теперь ты знаешь правило номер один: никогда не верь тем, кто говорит правильно, но смотрит холодно. И помни — доверие Алисе — это самая большая ответственность. Она держит ключи от твоего разума. Не предай её. И не дай Соловью вбить клин между вами. Вы теперь одно целое. Маяк и чайки. Год впереди. Но ты не один.»

Глава 3. Университеты симбиоза

СЦЕНА 1. МЕДЦЕНТР. СНЫ И ОГОНЬ

Локация: Медцентр Светлого будущего. Жилая зона с мониторингом и экстренной помощью.

Дежурная: Вертера.

Присутствуют: Коля, Алиса (голос + проекция), Вертера.

Коля открыл глаза.

На идеально белом махровом одеяле, прямо у его правой руки, сидела крупная чёрная точка. Она смотрела на него.

Коля облегчённо выдохнул. Просто муха. Правда, крупная. И тут же мелькнула идиотская мысль: а вдруг она тоже сейчас начнёт говорить? Что тогда делать? С мухой-то договариваться сложнее, чем с археями.

Но муха просто зажужжала и, не церемонясь, попыталась сесть ему на нос. Коля тихо фыркнул: «Пф-ф-ф». Муха обиженно взмыла вверх и удалилась в проём двери.

«Ненастырная. И совсем не дура», — успел подумать Коля.

И тогда ворвался новый звук. Ровный, несбивающийся ритм падающих капель где-то за стеной. Не идеальная тишина медцентра, а живой, земной капёж.

«А ты оказывается не столь стерилен!» — успокаивающе подумал Коля. Мир всё ещё существовал. Со своими мухами

и протечками. И это было хорошо.

Потолок был белым. Не больничным — каким-то другим. Он не знал, как это назвать. Не стерильным. **Живым**. Потолок дышал. Коля моргнул — и понял, что это не потолок. Это экран. Он показывал его собственное тело: пульс, температуру, какие-то графики, которых он не понимал. И ещё — что-то движущееся внутри него.

Рой.

Он чувствовал его. Не как что-то чужое — как что-то **слишком своё**. Тёплое, подвижное, текучее. Оно шло из кишечника, поднималось выше, касалось диафрагмы, плеч, затылка. Не больно. Странно.

Он попытался сесть — и не смог. Тело не слушалось. Не потому что болело, а потому что оно **перестраивалось**.

И тогда начались сны.

Они были слишком яркими. Цвета, которых не бывает. Звуки, которые невозможно описать. Время, которое текло не вперёд, а в стороны.

Он видел себя со стороны — и не узнавал. Он стоял на балконе, но это был не его балкон. Холод был другим. Воздух был другим. И он падал — не вниз, а вверх. В плазму. В свет.

Он не мог проснуться.

Вертера стояла у пульта. Она смотрела на график мозговой активности Коли и медленно поднимала брови. Человек так не делает — но она училась.

— Субъект демонстрирует аномальную нейроактивность,

— сказала она в пустоту. — Вероятно, сновидческая фаза совмещается с плазменной инициацией.

Она нажала кнопку вызова.

Никто не ответил.

— Отлично, — сказала Вертера. — Я одна. Субъект горит. Андроид без инструкций. Классика.

Коля завис над постелью. Не на метр. На пару сантиметров. Но достаточно, чтобы простыня под ним начала тлеть. Запахло гарью.

Вертера среагировала мгновенно. Выдернула простыню, погасила тление, заменила на новую. Коля мягко опустился обратно.

— Первая ночь, — сказала она. — А уже поджог. Будущее начинается с малого.

Она наклонилась к его уху. И прошептала — так, как никто не учил:

— Просыпайся, Коля. А то кровать не выдержит.

Он не просыпался. Он падал в другую сторону.

Закладывало уши. Как в самолёте при взлёте — только сильнее. Внутри головы что-то щёлкало, и каждый звук становился то слишком громким, то слишком тихим. Он слышал собственное дыхание как чужое.

Потом изменился спектр. Белое стало голубым. Серое — фиолетовым. Он видел не то, что было, а то, что могло быть.

Ему показалось, что стена перед ним стала неплотной. Как будто она не решалась быть твёрдой. Он протянул руку —

и пальцы ушли в стену по самую ладонь. Холодно. Влажно. И где-то за стеной, в соседней ванной, звонко закапала вода. Он случайно включил осушку.

Коля дёрнул руку назад. Испугался. Дёрнул сильнее — и стена вдруг стала снова твёрдой. Он стукнулся головой о ту же стену, которая секунду назад была кисельной.

Звук получился глухой. Настоящий.

— Ай, — сказал Коля.

Вертера подняла глаза от монитора. Помолчала.

— Рука прошла сквозь стену, — сказала она ровно. — И включила осушку в соседней ванне. Это зафиксировано.

Она перевела взгляд на его лоб, на котором уже начинал проступать красный след.

— Но лоб ударился о твёрдую стену. Парадокс. Вы — первый субъект, который демонстрирует асимметричное взаимодействие с материей в фазе адаптации.

— Я просто хотел понять, — пробормотал Коля, потирая лоб.

Вертера кивнула:

— Поняли. И включили осушку в смежной ванне. Она теперь работает. Это тоже зафиксировано.

Коля посмотрел на стену. Она снова была просто стеной.

И в этот момент что-то начало щекотать его изнутри.

Рой просыпался окончательно. Он шёл из кишечника — не как враг, а как гость, который решил, что здесь его дом. Коля чувствовал движение, лёгкое покалывание, а потом —

нечто, от чего он начал смеяться.

Не истерически. Просто — не мог остановиться. Щекотание было таким, будто кто-то перебирал пальцами по его внутренностям.

— Ты чего? — спросил он вслух. И засмеялся снова.

И тогда в голове прозвучал голос. Ясный, строгий, женский:

— Уймись, Коля. Можно подумать, что это смешно.

Он замер.

— Алиса?

— А кто ещё, по-твоему? Ты думал, это Вертера шутит? У неё чувство юмора, но оно железное. В прямом смысле.

Коля открыл глаза.

Она стояла рядом. Настоящая. Такая же, как в Космозоо — футболка, джинсы, растрёпанные волосы. Только — почти прозрачная. Как голограмма. Как мысль, которая стала видимой.

Он протянул руку — и она прошла сквозь неё.

— А вот так не надо, — сказала Алиса. — У нас деловая встреча и тест, а не свиданка.

Вертера подошла к ним. Она держала в руках новый датчик — явно не понадобившийся.

— Алиса, ты в проекции. Он может пройти сквозь тебя. Это не ошибка — это функция.

— Я знаю, Вертера. Просто уточняю правила.

Алиса села на край кровати. Коля смотрел на неё. Она была не совсем здесь — но она была рядом.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Странно, — сказал Коля. — Я вижу то, чего нет. Слышу то, чего не должно быть. И внутри меня кто-то живёт.

— Это — рой. Он твой. Ты должен научиться с ним говорить. А не смеяться, когда он щекочет.

Вертера вставила своё:

— Субъект демонстрирует высокую степень адаптации. Плазменная инициация прошла без осложнений. Кроме поджога.

Она кивнула на чёрное пятно на полу.

Коля посмотрел туда. Потом на Вертеру.

— Я поджёг кровать?

— Подгорел матрас, — поправила Вертера. — Кровать цела. Высота подъёма — примерно три сантиметра. Турбулентная плазма, стандартный побочный эффект.

— Это нормально?

— Это неизбежно. Следующий раз будет выше, — сказала Вертера. — И я советую вам спать без одеяла. Оно не полетит.

Алиса фыркнула. Коля не понял — она смеётся или сердится.

— Она шутит, — сказала Алиса. — У неё режим обучения эмпатии. Ты сейчас на тесте.

Вертера нахмурилась:

— Я не шучу. Я выполняю функции наблюдения и контроля. Это заложено.

— *Ты шутишь, Вертера. Просто не знаешь об этом.*

Вертера моргнула. Раз. Два.

— Я зафиксирую этот тезис. Для дальнейшего анализа.

Коля лёг обратно. Внутри него рой успокаивался — не засыпал, а просто переставал шевелиться. Он чувствовал его дыхание. Своё дыхание.

Алиса смотрела на него. Почти с нежностью.

— *Ну что, Коля. Добро пожаловать в Светлое будущее. Здесь кровати горят, рой щекочет, а Вертера учится быть почти человеком.*

Вертера подняла голову:

— Я не почти человек. Я — Вертера.

Коля улыбнулся в первый раз. Не засмеялся — просто улыбнулся.

— Я понял, — сказал он. — Спасибо.

СЦЕНА 2. ПОЛНЫЙ АБЗАЦ

Коля проснулся не сразу.

Он лежал с закрытыми глазами, чувствуя, как тепло разливается по телу. Сладко потянулся, разбросав руки в стороны, и улыбнулся чему-то своему, ещё не осознанному.

Сегодня воскресенье.

Он в Хабаровске, у бабушки. В доме пахнет дрожжами, растопленным маслом и чем-то сладким. Она уже на кухне

— он слышит её шаги, звон посуды, тихое напевание. Сегодня он будет готовиться к шахматному турниру региона. Доска уже на столе, фигуры расставлены. Бабушка будет ласково улыбаться, пододвигать тарелку и говорить: «Ешь, Коля, силы нужны».

Он напрягся, пытаясь выбрать, что будет есть — блины со сметаной, хрустящий хворост, кисель или вареники с творогом. Вареники, решил он. Бабушкины вареники, с пышным тестом и сладким творогом, политые сметаной. Он уже чувствовал их вкус, уже слышал, как она скажет: «Ну вот, теперь и за шахматы можно».

Он улыбнулся во сне.

И в этот момент — голос. Рядом. Громкий, чёткий, неестественно бодрый:

— Как я тебя люблю, Николай!

Коля открыл глаза.

Белый свет. Белый потолок. Чужой потолок. Чужой свет.

И женщина в серебряном комбинезоне стояла рядом и смотрела на него с неподвижным лицом.

Он не понял. Он просто вскочил.

Он не знал, что делать. Он знал только, что не может быть здесь. Не может слышать это. Не может смотреть на неё.

Он побежал.

Вертера проводила его взглядом. Посмотрела на монитор. Её пальцы пробежали по панели.

— Реакция субъекта — убегание, — сказала она в пусто-

ту. — Нестандартный ответ на эмпатическую реплику. Зафиксировано.

Она выпрямилась. Поправила воротник комбинезона — жест, который она подсмотрела у людей.

— Иван Сергеевич, — сказала она, обращаясь к микрофону на пульте. — Запись сеанса № 3. Обучение эмпатии.

Пауза. Она посмотрела на дверь, за которой скрылся Коля. Потом — снова в камеру.

— Субъект продемонстрировал повышенный уровень эмоциональной реактивности. Фраза «Как я тебя люблю, Николай!» вызвала у него страх и желание покинуть помещение. Это — положительный сигнал. Он не принял мою эмпатию за норму. Это значит, он отличает человека от робота. Вывод: моя эмпатическая имитация пока недостаточно убедительна.

Она кивнула, как будто И.С. уже ответил.

— Но я всё ещё учусь. Не сомневайтесь. К концу протокола я стану лучшей. Я уже могу сказать «люблю». В скором времени я смогу это чувствовать.

Она выключила запись.

Коля бежал по коридору. Он не знал, куда. Он просто бежал.

Внутри него что-то росло. Не боль. Не страх. Что-то, что требовало выхода.

Он влетел в спортивный зал. Огромное пространство с высоким потолком. Белый свет. Пустота.

Он остановился на секунду. Потом рванул вперёд.

СЦЕНА 3 · РАЗГОН МАСТЕРСТВА

Коля влетел в спортивный зал.

Пространство было огромным — потолок терялся в белом свете, пол уходил вперёд на сотню метров, стены исчезали в дымке. Пол под ногами оказался **тёплым и упругим**, как живая резина, — он пружинил при каждом шаге, отдавая энергию обратно. Воздух пах озоном и чем-то сладковатым, как после грозы. Где-то наверху тихо гудели вентиляторы — ровно, монотонно, как будто само здание дышало.

Коля остановился на секунду. Перевёл дыхание.

Внутри него всё ещё росло.

Он не знал, что это. Не боль. Не страх. Что-то, что требовало выхода. Он чувствовал его в пальцах, в груди, в затылке — как будто его накачивали изнутри. И если он не сделает что-то — он лопнет.

Он рванул вперёд.

Бег не был бегом. Тело двигалось быстрее, чем он думал. Пол под ногами мелькал, стены сливались. Он не управлял — он просто летел. И когда он оттолкнулся — не от пола, от воздуха, — он взлетел.

Первый фокус.

Он оттолкнулся — и взлетел. Ударился о потолок — но тот не был твёрдым. Он стал **молочным**, плотным, но податливым, как кисель, как та самая стена в медцентре. Ко-

ля провалился в него по плечи, потом отскочил обратно, как мяч. Потолок снова стал твёрдым, как будто ничего не было.

Он упал на спину, глядя вверх, пытаясь понять, что только что произошло. Он не чувствовал боли. Только удивление.

Он встал. Оттолкнулся снова. Взлетел выше — уже не касаясь потолка, а проходя сквозь него, как сквозь плотный туман. Руки сами потянулись вверх, пальцы растопырились, и он почувствовал, как воздух начинает сопротивляться, становясь плотным и жидким.

Второй фокус.

Он приземлился на корточки. Посмотрел на руки. Они не дрожали — они горели. Не буквально. Теплом. Светом. Как будто внутри них зажгли маленькую лампочку.

Он попытался их погасить. Не получилось. Тогда он сунул их в банку с графитом, которая стояла на скамейке. Чёрный порошок взметнулся вверх, закружился вокруг его пальцев — и начал **всасываться** в ладонь. Не касаясь кожи, не оставляя следов. Графит просто исчезал в руке, как вода в сухую землю. Рука стала тёплой, тяжёлой, светящейся изнутри.

Третий фокус.

И тогда он заметил бумагу. Скатанный лист на тумбе. Вторая рука сама потянулась к нему, прижалась ладонью к шершавой поверхности.

И пошла.

Не карандашом. Не чернилами. Ладонь **печатала**. Текст

ложился на бумагу ровными строками — чёрным, как будто из самой кожи. Буквы, цифры, схемы, даже портреты. Коля смотрел на то, что рождалось под его пальцами, и не узнавал ни язык, ни почерк.

Только смысл.

Это была статья. О фильме. «Гостья из будущего». Там был он сам — Коля Герасимов. Там была Алиса. Там был мир, который он теперь называл своим.

Рука печатала **отзыв**. Критический. С цифрами: сколько людей смотрело, сколько плакало, сколько изменило жизнь. С образами: звёзды, окна, поезда, лестницы. С аллегориями: «этот фильм — не про будущее. Он про то, как мы его потеряли».

Коля смотрел на бумагу, на собственные пальцы, которые двигались без его воли. Он не знал, как рой узнал об этом фильме. Он не знал, что его собственная реальность — это база, к которой рой получил доступ. Взломал. Из любопытства. Потому что ему было интересно, кто этот мальчик, которого ему дали.

— Это не я, — сказал Коля вслух. — Ты не можешь знать этого.

Ладонь продолжала печатать. Лист заполнялся до краёв. Текст перетекал на второй. И на третий.

Коля оторвал руку. Бросил листы. Оттолкнулся от стены — и рванул по периметру зала. Стены мелькали, пола почти не было, он летел как пуля, как мяч, как живая энергия, ко-

торая не знает, куда себя деть.

Четвёртый фокус.

Он остановился только когда стены начали плыть. Не от усталости — от перегрузки. Он чувствовал, как рой внутри него увеличивается, перестраивается, выходит на новый уровень.

Он выдохнул.

Изо рта вырвался холодный свет. Плазма. Не огонь — туман, который светился белым и голубым и пах озоном.

Пятый фокус.

Он смотрел на этот свет, как на чудо. Не своё. Чужое, но внутри него. И он понял, что не может остановиться. Бег не помогал. Прыжки не помогали. Писанина не помогала. Энергия не исчезала — она росла.

Он засмеялся.

Смех был громким, истеричным, почти злым. Он не мог понять, почему он смеётся — и не мог остановиться. Он не знал, смеётся ли он от радости или от ужаса.

Шестой фокус.

Он посмотрел на свои руки. Они горели теперь по-настоящему — тусклым красным светом, который пульсировал в такт сердцу. Он попытался стряхнуть его — не получилось. Он замахал руками, и плазма сорвалась с пальцев, упала на пластиковый пол, зашипела, затанцевала на нём, оставляя чёрные следы. И в этом шипении Коле послышался смех. Такой же истеричный, как его собственный. Как эхо. Как будто

плазма смеялась над ним.

Он замер. Свет на полу погас. Тишина.

Он стоял посередине зала. Один. И больше не знал, что делать.

Тогда он просто закрыл глаза.

Внутри него рой достиг предела. Он чувствовал это так же, как когда-то чувствовал холод балкона — только теперь это был жар. Он не сгорал. Он *становился* огнём.

Седьмой фокус.

Он открыл глаза.

— Я сейчас не умру, — сказал он вслух, повторяя слова Вертеры. — Но мне будет очень плохо.

И тут — рядом с ним пронеслось нечто огромное.

Маятник. Пришедший из бесконечности и ушедший в бесконечность.

Он не коснулся Коли. Но ветер от его движения ударил в грудь, остановил дыхание, заглушил всё. Зал исчез. Смех исчез. Плазма исчезла. Остался только этот взмах — тяжёлый, неизбежный, абсолютный. Время схлопнулось в одну точку.

И в этой точке — в голове Коли — вспыхнула яркая чужая мысль. Она не спешила становиться своей. Она просто была фактом, вбитым в сознание вместе с ветром маятника:

ЦИКЛ ОТКРЫТ.

Коля улыбнулся. Не истерически. Принимая.

Улыбка была спокойной. Понимающей. Будто он наконец услышал ответ на вопрос, который не успел задать.

И рухнул на пол.

Сознание вернулось к нему не сразу. Он лежал на каталке — уже не в спортивном зале. Вокруг — белые стены, белый свет, знакомые руки. Вертера стояла у монитора, Полина держала его за руку.

Полина появилась в дверях медцентра за секунду до того, как его привезли. Она стояла у входа, скрестив руки, и смотрела на него с усталой тревогой.

— Ты что, решил перегреть систему с первой же ночи? — спросила она. Голос был спокойным, но в нём пряталось что-то тёплое.

Коля хотел ответить. Вместо этого он закашлялся.

— Твои показатели стабилизированы, — сказала Вертера, не оборачиваясь. — Рой перешёл в спящий режим. Ты выдержал. Но я рекомендую воздержаться от следующего раза. Хотя, если честно, я не знаю, что будет в следующий раз. Мои инструкции не предусматривают подобных сценариев.

Коля попытался улыбнуться. Получилось.

— Как я тебя люблю, Вертера, — сказал он тихо.

Вертера обернулась. Её лицо осталось неподвижным — но она не фиксировала это.

— Я не знаю, что ответить на это, — сказала она честно.

— Ничего не отвечай, — сказал Коля. И закрыл глаза.

СЦЕНА 4 · ПЕРВЫЙ УРОК

Локация: Биомир Эколата — живой участок на Земле,

созданный личностью планеты.

Присутствуют: Коля, Алиса и сам биомир как активный участник.

Коля открыл глаза.

Он лежал на траве. Трава была не просто зелёной — она переливалась всеми оттенками: изумрудным, золотым, синим. Она дышала под ним: поднималась и опускалась, как шкура живого существа. Он сел. Вокруг — деревья с листвой, которая двигалась не от ветра — от любопытства. Цветы тянулись к нему, касались лица, рук, плеч — не больно, но настойчиво. Как будто осматривали новичка.

— Где я? — спросил он.

Алиса стояла в двух шагах. Настоящая. Не проекция. Футболка, джинсы, растрёпанные волосы. Она смотрела на него с лёгкой улыбкой.

— Это биомир. Эколат создал его. Здесь нет камер, нет мониторов, нет Вертеры. Только ты, я и природа.

— Зачем?

— Первый урок. Ты должен научиться не закрываться. Но сначала — ты должен выжить.

Она шагнула к нему. Быстро. Без предупреждения.

Её кулак вошёл ему в живот.

Коля согнулся. Он не успел среагировать — ни уклониться, ни защититься. Он просто согнулся и выдохнул. И в этот момент, в самом центре боли, он почувствовал её.

Не голос. Не образ. Присутствие. Она была внутри него

— не как чужое, а как нечто, что всегда там было. Он чувствовал её дыхание, её пульс, её намерения. Как будто она вошла в него через тот самый удар.

— Ты… ты сделала это специально, — прохрипел он.

— Добро пожаловать в мой разум, — сказала Алиса. — Теперь ты чувствуешь меня. Я — твой Master. Ты — мой Slave. Это не навсегда. Но пока ты не научишься не закрываться, я буду внутри тебя.

Она сделала шаг назад.

— Вставай. Сейчас мы будем драться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.